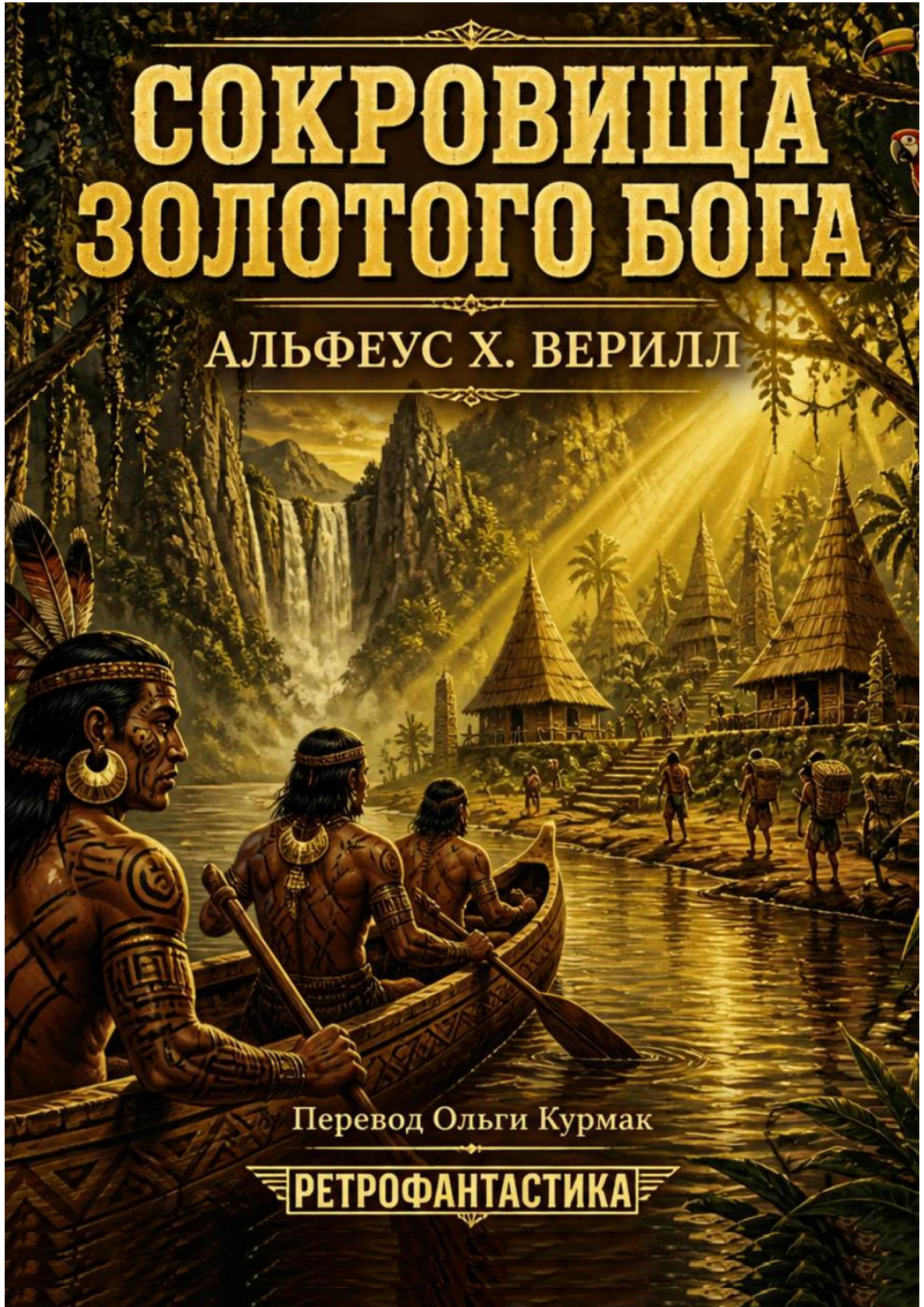

СОКРОВИЩА ЗОЛОТОГО БОГА

АЛЬФЕУС Х. ВЕРИЛЛ

Перевод Ольги Курмак

РЕТРОФАНТАСТИКА

Альфеус Верилл

Сокровища золотого бога

«Автор»

2026

Верилл А.

Сокровища золотого бога / А. Верилл — «Автор», 2026

Эта история затрагивает Южную Америку, индейцев и джунгли. В ней рассказывается об Эльдорадо и золотых сокровищах, которые сэр Уолтер Рэли и многие другие искали в Новом Свете в давние времена.

© Верилл А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альфеус Верилл

Сокровища золотого бога

Глава 1

- Что ты можешь сказать по этому поводу? - Спросил Торнтон, бросая на стол два кусочка блестящего желтого металла.

Бельмонт, горный инженер, взял в руки предметы и с любопытством их рассмотрел. Они явно были золотыми: тонкие, в форме полумесяца, примерно два дюйма в длину и дюйм в ширину, с маленькими глазками или кольцами на концах полумесяцев.

- Конечно, это золото, - ответил он, - я бы сказал, какие-то индейские украшения.

- Да, ты прав, - рассмеялся Торнтон. - Но видишь ли, ты держишь в руках нечто, чего не видел ни один белый человек со времен Рэли? Эти штуки, Фрэнк, и есть «золотые луны», о которых сэр Уолтер Рэли рассказывал, что видел в носах гвианских индейцев.

- Боже, неужели это так? - Воскликнул его собеседник. - Ты обнаружил затерянное племя? Вот это новость! Кем они были - каннибалами или амазонками?

- Ни то, ни другое, - заявил исследователь, недавно вернувшийся после нескольких месяцев, проведенных в глубине Гвианы и Бразилии, и который обедал со своим старым приятелем по колледжу. - Люди, которые носили это, - продолжил он, - внешне совершенно обычны. Но они доказывают, что Рейли был прав, и племя, использующее эти луны, владеет секретными неограниченными запасами золота.

- Что? - воскликнул инженер, мгновенно заинтересовавшись. - Я полагаю, ты имеешь в виду, что у них богатая россыпь. Ближе к делу, старик.

- Я думаю, тебя это взбодрит, - засмеялся путешественник. - Не могу сказать, что это за россыпь. Ты когда-нибудь слышал об Эльдорадо и городе Маноя?

- Не могу сказать, что я знаком с этим, - ответил Бельмонт, - но Эльдорадо – это тот парень, который каждый год надевал костюм из золотого песка и которого искал Рэли.

- Это название города, в котором, как предполагалось, правил Эльдорадо. По словам Рэли, Маноя был настолько «золотым городом», насколько это можно себе представить, - стены, здания, утварь, - все из золота, а вместе с ним и золотые самородки, которые, по словам Рэли, являются «богатством Эггеса», и которые можно найти на берегах городского озера.

- Прекрасно! - воскликнул Бельмонт. - Но не пытайся заставить меня поверить, что ты нашел его. Я готов поверить практически в любую историю о местах, где ты побывал, но эти мифы давно развеяны.

- Неужели? - Вопросительно поднял брови собеседник. - Так же, как и «миф» о золотых лунах, пока я не нашел их. Нет, Фрэнк, я не утверждаю, что нашел Маноя или Эльдорадо, но только потому, что их там не было. Найденные украшения не доказывают, что их нет или не существовало. Более того, - тут исследователь понизил голос и наклонился к своему спутнику, - я действительно верю, что индейцы, которые используют эти украшения, нашли Маноя!

- Ух ты! - присвистнул инженер. - А теперь давай разберемся, Нед. Позволь мне изложить суть дела в двух словах. Тогда я смогу судить, несбыточная мечта это или на самом деле жесткое и бесперспективное предложение. Просто изложи мне факты.

- Помнишь, я рассказывал тебе об обширном малоизвестном месте во внутренних районах Гвианы, который я намеревался исследовать? - спросил Торнтон. Бельмонт кивнул. - Этот район больше, чем Массачусетс, - продолжил он, - и я всегда хотел исследовать его. Во время последней поездки мне удалось побывать там. Мы отправились из деревни Тарума на реке

Эссекибо и пересекли саванну, добравшись до Пианоготто, племени, которое никогда раньше не посещал ни один белый человек.

- Мы жили на границе неизведанной территории, но я не мог уговорить ни одного из них моих сопровождающих пойти со мной. Как и все племена саванны, они боялись леса и верили, что он полон дьяволов и сказочных чудовищ. Однако они рассказали мне о другом племени, называемом ауримеоны, которое было лесным народом и имело деревню на краю саванны. Пока мы разговаривали, прибыли двое мужчин из этого племени. И в тот момент, когда я их увидел, я понял, что совершил открытие всей своей жизни. У обоих в носах были золотые луны. У меня не возникло проблем с приобретением образцов, но я не смог получить много информации обо всем, что происходит в их районе. Видишь ли, это был трехсторонний разговор. Я говорил на акавойя с одним из моих друзей, Тарума переводил Пианоготто, и им пришлось пересказывать все Ауримеонас. Но я выяснил, что у них было много золота. В итоге я договорился поехать с ними в деревню, но прежде чем мы смогли тронуться в путь, начались дожди, капитан моей лодки слег с лихорадкой, и я был вынужден повернуть назад.

- Очень жаль, - прокомментировал Белмонт, - но я не вижу, чтобы у тебя была какая-то конкретная информация. Этого недостаточно, чтобы оправдать поиски предполагаемого источника золота только потому, что ты нашел пару диких индейцев, носящих золотые украшения в носу. Мы не должны делать поспешных выводов о том, что нашли золотое дно или мифический город Роли. Финансировать экспедицию на основании того, что ты мне рассказал, было бы самой безрассудной авантюрой.

- Это, как сказал бы юрист, мое единственное прямое доказательство, - сказал Торнтон с улыбкой, - но есть и кое-что еще. Рэли в своей книге «Открытие Гвианы» пишет: «До войны я знал, что на острове от этого правителя произошли три могущественных народа, которые жили на берегу большого озера, откуда происходит этот правитель, и если мы войдем в эту страну через горы, то должны будем довольствоваться золотом».

- Ну и что из этого? - спросил его друг. - Может, они ему сказали, а может, и нет. А если и сказали, то, скорее всего, солгали или преувеличили.

- Дело не в этом, - заявил исследователь. - Со времен Рэли никто никогда не видел и не слышал о семье Вариеметонас, чтобы подтвердить его заявления. А теперь... напряги мозги, старина, и посмотрим, поймешь ли ты, к чему я клоню. Тебе не кажется знакомым это имя? Вариеметона?

Бельмонт нахмурил брови и глубоко задумался.

- Да нет же... - начал он, а потом вдруг хлопнул себя по бедру и резко выпрямился. - Ей-богу, да! - воскликнул он. - Как ты их назвал, этих индейцев с золотыми лунами?

- Ты угадал, - усмехнулся Торнтон. - Ауримеоны, одно и то же племя. Ближайшее, что судя по гортанным индейским звукам, Рэли услышал «Вариеметона». У меня в этом нет сомнений. Я нашел племя, которое рассказало Рэли историю маноя.

- Тогда почему, черт возьми, ты не спросили их об этом? - потребовал ответа Бельмонт.

- Потому что я достаточно умен, чтобы этого не делать, - ответил Торнтон. - Как только белый человек начинает расспрашивать индейца о золоте, абориген замолкает, как моллюск. Кроме того, в этом не было необходимости, были золотые луны и было это.

Закончив говорить, он достал из кармана сверток и бросил его на колени своему другу.

- Ох! - Воскликнул инженер. - Полегче! Оно тяжелое, как свинец. Затем, когда он развернул упаковку, его глаза расширились, и он недоверчиво уставился на содержимое. - Будь я проклят! - В его руке тускло поблескивала огромная, отполированная масса чистого золота яйцевидной формы, проколота с одного конца и перевязанная волокнистым шнуром, на который были нанизаны десятки самородков поменьше, общим весом более десяти фунтов. - Да, будь я проклят! - Повторил он, совершенно не в силах найти других слов, чтобы выразить свои чувства.

- Именно это я и сказал, когда увидел одного из этих индейцев в таком костюме, - ухмыльнулся Торнтон.

- Нед, - сказал Бельмонт после долгой паузы, во время которой его взгляд не отрывался от изумительного варварского ожерелья. - Может, я и самый большой дурак на свете, но ни один шахтер, в душе которого есть хоть капля азарта, не смог бы увидеть эти самородки и не клюнуть на них. Такие самородки не растут на каждом кусте, и они не растут поодиночке. Эльдорадо, может, и чушь собачья, но в этих красотах нет ничего мифического. Я с тобой, старина. Когда ты отправляешься?

Далеко вверх по Эссекибо четверо голых людей подгоняли речную лодку с ложным дном против быстрого течения. Индейцы. На носу сидел лучник из Арекуны, сжимая свое большое весло и поворачивая лодку то вправо, то влево между огромными черными скалами с зазубренными краями. На корме стоял капитан, наполовину индеец, наполовину негр, с огромным рулевым веслом, а под сводчатым навесом из пальмовых листьев сидели Торнтон и Бельмонт, для которых Нью-Йорк и весь цивилизованный мир казались такими далекими. В течение пяти недель они двигались вверх по реке через непроходимые джунгли, преодолевая пороги и водопады, разбивая на ночь лагерь под гигантскими деревьями, и вот теперь они приближались к королевству Вильгельма.

Их путешествие на лодке почти подошло к концу. Вскоре далеко впереди послышался низкий рев, и за поворотом показался огромный сверкающий водопад, перегораживающий реку от берега до берега.

- Дальше плыть нельзя, - объявил Торнтон, - а я, например, не пожалею протянуть ноги на берегу. За этим местом, - объяснил он Бельмонту, - река сменяет один водопад другим. А до первой деревни Тарума совсем недалеко. Именно этим маршрутом я следовал в последний раз.

Лодку быстро разгрузили и разбили лагерь. Судно было закреплено в защищенной бухте, и остаток дня мужчины были заняты тем, что раскладывали груз по пакетам, которые можно было нести на спине. Только самые важные вещи они должны были быть взять с собой, а остальное было оставлено до тех пор, пока из деревни Тарума не пришлют индейских носильщиков. Рано утром следующего дня лагерь был разобран, мужчины взвалили на плечи свои грузы в «сурианах», или вычужных корзинах, и отряд углубился в лес, следуя по едва заметной тропинке. Местность была неровной, повсюду громоздились огромные камни, и идти было трудно. Но к полудню худшее было позади, тропа вела через пологие холмы через открытый лес, и ближе к вечеру они достигли опушки джунглей, откуда открывался вид на обширную саванну, прерываемую зарослями кустарников, деревьев, фантастических скалистых массивов и болотистых низин. Впереди, как на ладони, была также видна большая индейская деревня. Незадолго до захода солнца они вышли на большую расчищенную площадку, в центре которой стояли глинобитные дома Тарума с соломенными крышами.

Какими бы дикими и необузданными ни казались обнаженные индейцы, если не считать набедренных повязок, раскрашенные и татуированные, с длинными черными волосами, ниспадающими на плечи, Тарума были дружелюбны и сердечно приветствовали белых людей. Им принесли еду, предоставили свободную хижину и передали приветственный калекас «пайварри».

- Это не то, что они готовят, выплевывая пережеванную маниоку в корыто? - спросил Бельмонт, с отвращением глядя на предложенное ему желтовато-серое месиво.

- Ты прав, - ответил Торнтон, - но оно неплохое.

С этими словами он поднес тыкву к губам и сделал большой глоток напитка.

- Пусть меня повесят, если я прикоснусь к этому! - Воскликнул его друг, выплескивая содержимое тыквы на землю.

Торнтон схватил его за запястье.

- Если ты этого не сделаешь, тебя просто повесят, - заявил он резким тоном.

- Отказ - смертельное оскорбление. Мы никогда не выйдем за рамки этой дереvушки, если ты не выпьешь этот напиток. Ради всего святого, чувак, не будь таким щепетильным. Сделай только глоток, если больше не сможешь переварить.

Бельмонт нахмурился, скорчил гримасу и, пробормотав проклятие, сделал глоток церемониального напитка.

- На вкус он не такой тухлый, как я ожидал, - с усмешкой признался он, возвращая калек-бас индейке.

Затем последовал давний обычай буша. Торнтон преподнес вождю и остальным подарки в виде табака, бус и тканей, установив таким образом доброжелательные отношения, изложил свое дело и попросил проводников и носильщиков, разговаривая с помощью Джозефа, Арекуна Боумен в качестве переводчика. Торнтон уже посещал Тарума, и к нему относились как к старому другу, и ему не составило труда уговорить женщин вернуться на лодку и принести оставленные там припасы. Но найти проводников, которые могли бы отправиться вглубь страны, было отнюдь не так просто. Старый вождь был вполне готов предоставить молодых людей в качестве проводников и женщин-носильщиц до ближайшей деревни Пианоготто, но дальше этого, как он заявил, ни один Тарума пойти не отважится. Но поскольку это было именно то, чего ожидал Торнтон, он был вполне удовлетворен ответом.

На рассвете женщины в сопровождении капитана лодки отправились по тропинке, ведущей к реке, и ближе к вечеру вернулись, каждая со своим грузом весом в сто фунтов, который они несли так, словно это был сущий пустяк.

- Какие красотки, - прокомментировала Белмонт, когда женщины, смеясь и шутя, рысцой вошли в деревню. - К счастью, девушки на моей родине еще не приняли костюмы Таруума. Боже милостивый, представь, что ты увидишь на Бродвее или Пятой авеню девушек, наряженных только в фартучки из бисера и ожерелья! И как, черт возьми, они справляются с такой нагрузкой, у меня в голове не укладывается. Да ведь они не больше, чем десятилетние дети, и то, что они несут, поставило бы и осла в тупик.

Торнтон рассмеялся.

- Все дело в том, чтобы привыкнуть к этому, - ответил он. - То же самое, что видеть, как дамы ходят, как их пра-пра-мать Ева.

На рассвете два дня спустя экспедиция отправилась в путь. Оставив четырех гребцов-индейцев присматривать за лодкой и тем снаряжением, которое не понадобится в путешествии по суше, двое белых мужчин вместе с капитаном лодки Уолтерсом, Джозефом, переводчиком из племени арекуна, и дюжиной женщин-носильщиц двинулись по тропе, следуя за двумя крепкими тарума-мужчинами, которые служили проводниками.

Переход через саванну был долгим и утомительным. Пыль оседала на цветах и жесткой высокой траве, попадала в глаза, ноздри и горло. Солнце непрерывно палило с безоблачного неба, и Бельмонт затосковал по прохладной тени и влажному воздуху джунглей задолго до полудня первого дня. Полуденный привал, однако, едва ли принес облегчение, потому что в скудной тени низких колючих пальм было жарко, как в печи, вода во флягах была чуть теплой, а Бельмонт слишком устал от жажды, чтобы наслаждаться едой. Он пересек западные пустыни, взбирался на горы, несколько дней бродил по густым лесам и замерзшей тундре, но никогда прежде не чувствовал себя таким измученным. Торнтон, однако, казался неустойчивым и свежим, как всегда. Он шел, не отставая от тарума, время от времени напевая какую-нибудь мелодию или весело насвистывая, а Бельмонт, стиснув зубы, терпел, но никак не проявлял своих чувств.

Наконец солнце склонилось к западному горизонту, лагерь был разбит в укромном месте, и индейцы быстро построили крошечные хижины из этой пальмы и тростника.

- И на кой черт им это понадобилось? – Спросил Бельмонт, забравшись в свой гамак. - Да здесь жарче, чем в преисподней под открытым небом, не говоря уже об этих конурах, и ни намека на дождь.

- Скоро ты будешь рады забраться в один из них, - посмеиваясь заявил Торнтон.

- Ни за что на свете, - настаивал инженер, вытирая свое лицо. - Я бы предпочел остаться здесь, на открытом воздухе.

Но полчаса спустя он изменил свое мнение. Когда на саванну опустилась темнота, по равнинам пронесся холодный ветер, от которого белые люди продрогли до костей, а индейцы, дрожа, сильнее прижались к своим кострам.

- Ты прав, - признал Бельмонт, роясь в своем рюкзаке в поисках пальто и одеяла для своей конуры.

Второй день был повторением первого, хотя Бельмонт чувствовал себя не так уж плохо, но на третий день саванна стала зеленее, часто попадались лужи и прудики, в которых кишели чирки, утки, кроншнепы и другие дикие птицы, и, забыв обо всем остальном, Бельмонт провел полдень, истребляя кишашую дичь. Затем, к середине дня, группа вышла на открытое пространство, где трава была выжжена и где росли овощи и маниока.

- Теперь уже недалеко осталось, - объявил Торнтон. - Это сады Пианоготто.

Час спустя показались деревенские дома с коническими крышами. Они были в поле зрения, четко выделяясь на темном фоне густого леса в миле от них.

- Это все, что я видел в прошлый раз, - заметил исследователь, когда они приблизились.

- И вот откуда у тебя эти луны и это ожерелье из Голконды, я полагаю, - сказал Бельмонт.

- Ты прав - ответил Торнтон. - Я бы хотел, чтобы эти мальчики из Ауримеоны уже были здесь.

Об их прибытии возвестил лай бесчисленных полуголодных собак, и мужчины из Пианоготто сбежались в полном составе, чтобы посмотреть, кто к ним пожаловал. Жители деревни сразу узнали Торнтон, а хозяин дома - его самого. Гиды и носильщики были хорошими друзьями, и группу встретили так же радушно, как и Тарума.

На этот раз Бельмонт, не колеблясь, принял участие в праздничной возне, которая, несмотря на ее неприветливый вид, показалась ему очень освежающей.

Утром, когда исследователь попытался найти носильщиков, чтобы продолжить свое путешествие, он, как и ожидал, обнаружил, что Пианоготто очень неохотно присоединяются к компании. Страна за ней, заявляли они, неопределенно махая руками в сторону леса, является обителью дьяволов и злых существ, и него был врожденный страх перед ауримеоны.

Какое-то время казалось, что экспедиция потерпит сокрушительный провал почти с самого начала. Пока он спорил, уговаривал, пытаясь любыми способами убедить индейцев пойти с ним, прибыла группа из трех охотников, которые привели с собой пару небольших оленей. Послушав несколько мгновений, один из троих вышел вперед и предложил свои услуги в качестве гида. Судя по всему, он был наполовину ауримеоном, и хотя, как и другие, говорил с суеверным ужасом и явной боязнью лесных дьяволов, он все же не боялся пересечь саванну и добраться до деревни своей матери.

Как только Торнтон нашел одного человека, он добился того, чего хотел. Были щедро розданы бусы, ткань и ножи, а трое Пианоготто согласились присоединиться к его компании. Но ничто не могло заставить других отправиться в путь, и он не мог убедить тарунна отправиться дальше на неизведанную территорию.

- Это лучшее, что мы можем сделать, - заявил исследователь. - Нам придется сократить количество снаряжения. Мы можем взять только самое необходимое, а остальное оставить здесь. Если нам что-то понадобится позже, мы можем прислать за этим курьеров. Эти индийцы абсолютно честны, так что ничто не будет украдено или испорчено.

Соответственно, груз был разделен, все, что не было абсолютно необходимым, было оставлено Пианоготто, и вместе с четырьмя мужчинами, Джозефом и Уолтерсом, каждый из которых нес по тяжелому грузу, и двумя белыми мужчинами, также нагруженными тяжелыми тюками, маленькая группа из восьми человек отправилась в неизвестность.

В течение четырех дней они шли по бескрайним саваннам, но, поскольку трава была свежей, а почва влажной, особых трудностей не возникло. Исследователи знали, что эта территория не нанесена на карту. Ни один белый человек никогда прежде не видел этого места, и по мере того, как они продвигались к далекому лесу, Торнтон делал многочисленные заметки и ориентиры и постоянно останавливался, чтобы изучить растительность, почву и обнажения скал.

Однажды, во время полуденного отдыха, когда он раскалывал собранные им кусочки красноватого камня, проводник-полуаримеонец наблюдал за ним с явным интересом. Затем, повернувшись к Джозефу, он произнес несколько слов по-английски.

- Он нашел много такого камня на вершине Ауримеона, - перевел он. - Говорят, что камень - это все тот же каракури.

- Послушай-ка, Фрэнк, - воскликнул Торнтон, - я бы хотел точно знать, что он имел в виду под словом «каракури», это их слово, обозначающее золото, но оно также означает красный или желтый. Именно этот двойной смысл так часто вводил Рэли в заблуждение. Но это камни ауриферуса, и, возможно, этот парень имеет в виду золото.

- Ей-богу! - воскликнул Бельмонт, мгновенно обратив на это внимание. - Вы правы, эти камни минерализованы. Просто пройдите и расспросите мальчика, Нед. Думаю, мы на правильном пути. - Обращаясь к Джозефу, исследователь заговорил с ним на странном «тальки-тальки», используемом всеми полудицизованными племенами Гвианы: «С какой стороны он так близко подходит к камню?» - спросил он. «Как долго мы будем идти по этой стороне?». Джозеф что-то быстро сказал другому, и тот пространно ответил: «Он сказал, что Ауримеона феллер, пэйман (врач-киношник), принадлежит к тому же типу. Простой парень может ходить по лесу, он не боится дьявола. Он хороший друг дьявола. Он умеет разжигать огонь из камней одного сорта. Он умеет делать кольца, бусы и каракури. Ауримеона фелер не знает, где найти сабби».

- Вот оно что! - Присвистнул Торнтон. - Он действительно имел в виду золото. В этом нет сомнений. Он говорит, что они делают бусы и кольца из металла, и, как мы знаем, у них есть луны и золотые бусины. Но я озадачен тем, что он говорит об их знахаре, добывающем огонь с помощью камня. Должно быть, старик раздобыл какой-то железный колчедан и добывает из него огонь. Чертовски забавно, если это так. Насколько мне известно, ни одно индейское племя так и не разгадало этот трюк. Держу пари, он старый хитрый попрошайка, и, без сомнения, его народ питает к нему святое уважение. Неудивительно, что они считают его другом дьяволов.

- Нам бы больше помогло, если бы он был нашим хорошим другом, - пояснил инженер. - И в одном ты был неправ, Нед. Кажется, эти индейцы не прочь поговорить о золоте.

- Это потому, что они никогда раньше не имели дела с белыми людьми, - объяснил ему друг. - Они нас еще не знают.

Чуть позже в тот же день группа подошла к довольно большому ручью, и Торнтон вскрикнул от удивления.

- Видишь что-нибудь необычное в этом ручье? - Спросил он.

Бельмонт внимательно изучил ручей.

- Нет, - ответил он спустя какое-то время. - Если только он не прозрачный, а не коричневый как реки. Что в этом странного?

- Он течет на восток, - заявил исследователь. - Это доказывает, что мы пересекли водораздел, отделяющий Эссекибо от долины Нью-Ривер, если только этот ручей снова не повернет на запад.

- Я не вижу ничего особенного в том, чтобы пересечь водораздел, - сказал Бельмонт. - Мы бы никогда об этом не узнали, если бы не заметили этот ручей.

- Признаю, ничего примечательного, - согласился Торнтон, - но мы первые белые люди, которые когда-либо это делали, и, - тут он сделал паузу и шутливо махнул рукой в сторону ручья, - Смотрите! Мы смотрим на новую реку и собираемся ее пересечь. Позвольте мне назвать это место в честь хорошего спортсмена, даже если ему не хватает романтики. Друг мой, взгляни на реку Белмонт.

- Покорнейше благодарю! - Воскликнул он, заразившись шутливым настроением и смехом своего друга-путешественника. - Для меня это огромная честь. Возможно, это не такая уж большая река, но я могу себе представить, что в конце концов она превратится в бурлящий поток, вполне достойный того выдающегося названия, которым вы ее наградили.

Бельмонт низко поклонился и в следующее мгновение они с Торнтоном уже вовсю хохотали, увидев восхищенные и озадаченные выражения на лицах индейцев, которые, очевидно, подумали, что двое белых мужчин переживают какое-то потрясение или проводят мистическую религиозную церемонию.

Вскоре после переправы через ручей гид перешел на бег, объявив, что деревня Ауримеона находится прямо впереди. Воодушевленные его темпом, остальные поспешили за ним, и не прошло и часа, как они достигли скопления хижин, и тут же, при виде незнакомцев, женщины и дети поспешно скрылись из виду, и даже мужчины попятись, словно испытывая легкий страх и полное недоверие к вновь прибывшим. Но в следующий момент те двое, что отдали Торнтону свои украшения, узнали его и, шагнув вперед, поприветствовали путешественника.

После нескольких слов, сказанных этими двумя остальные обрели уверенность и приветствовали их, хотя по-прежнему смотрели на белых людей, как на удивительных существ из другого мира. Внезапно Торнтон схватил своего спутника за руку.

- Посмотри туда! Теперь ты веришь?

- Боже мой! Это настоящая ходячая золотая жила! - воскликнул Бельмонт, уставившись на индейца, на которого указал его друг и который был увешан золотыми браслетами на руках и ногах, ожерельями из самородков и золотой лентой на густых черных волосах.

- И у каждого из них золотые луны на голове! - продолжил Торнтон. У меня такое чувство, что... - его фраза была прервана появлением странной фигуры, проталкивающейся сквозь маленький круг индейцев.

Это был старый и морщинистый, с огромной головой и толстым животом абориген, а его лицо и тело были украшены лабиринтом из геометрических узоров красного, черного, желтого и белого цветов. На голове у него была великолепная корона из перьев, похожая на нимб, а к бахромке и свисающим с нее нитям были прикреплены десятки великолепных оранжевых шкурок Горного петуха. На шее и плечах у него были нанизаны зубы ягуара, гремучие семечки и радужные крылья жуков, на шее - воротник из перьев попугая, а в носовую перегородку было продето костяное веретено, концы которого были украшены длинными яркими перьями и пучками алого пуха тукана, в то время как с его нижней губы свисала шестидюймовая кисточка из красных и желтых перьев. В одной руке он держал крепкий резной посох, украшенный яркими перьями, пучками меха и гирляндами из семян, а в другой - огромную тыквенную трещотку.

Даже Бельмонт узнал в нем знахаря или Павиан, и оба американца зачарованно уставились на него, потому что из его носа, губ и ушей свисала добрая дюжина золотых полумесяцев, а на запястьях и лодыжках висели цепочки из огромных самородков.

- Говоришь Эльдорадо?! - воскликнул Бельмонт. - Этот старикан настолько близок к нему, насколько я когда-либо ожидал увидеть.

- Это тот самый парень, о котором рассказывал наш гид, - заявил Торнтон.

- И такой же хитрый, как и все остальные, или я не разбираюсь в индейцах.

Со странными взглядами и гримасами Павиан приблизился к белым людям, стуча посохом по земле, потрясая погремушкой и что-то бормоча на своем родном наречии. Повернувшись к Джозефу, Торнтон велел ему сказать старику, что они друзья, что привезли подарки для Павиана и его народа, и что они хотят исследовать лес. Разумеется, Арекуну пришлось перевести это одному из Пианоготто, и, прежде чем он успел это сделать, старый знахарь разразился кудахтающим смехом. Затем, к крайнему изумлению Торнтон и Бельмонта, он начал болтать без умолку.

- Я говорю, что он хороший парень, - воскликнул он. - Мне нравится... э-э-э... Я говорю, что он хочет, что он может сделать. Я говорю Павиан все же хороший друг.

Говоря это, он протянул руку, похожую на клешню, и, потеряв дар речи от удивления, обнаружив, что этот человек, который, как они полагали, никогда не видел белого человека, понимает и использует искаженный английский диалект, Торнтон и Бельмонт серьезно пожали ему руку. Затем, когда наконец исследователь достаточно оправился от удивления, чтобы обрести дар речи.

- Все же мы хорошие друзья Ауримеона, - заверил он знахаря. - Пэйман очень хороший парень, позволь мне сказать, чего я хочу. Почему этот парень, сабби, такой разговорчивый?

Выражение лица индейца мгновенно изменилось, и на нем появилась хитрая ухмылка.

- Я люблю все, - ответил он. - Если захочу дождя, я скажу ему, он придет. Если захочу огня, я поймаю его.

- Да, он хитрый старый мошенник, - усмехнулся инженер. - Умеет при помощи оккультных сил болтать без умолку и утверждает, что умеет вызывать дождь. Ну и наглость!

Знахарь тем временем порывшись в кожаном мешочке, висевшем у него на поясе, и вскоре вытащил оттуда обломок камня и кусок тускло-серого металла.

- Думаю, он собирается продемонстрировать, как добывает огонь, - предположил исследователь.

Положив кусочек трута на камень, Павиан ударил по камню металлическим прутиком. Во все стороны полетел сноп искр, трут вспыхнул и задымился. При виде этого доказательства сверхъестественных способностей индейца по толпе аборигенов пронесся ропот удивления и обожания, а старик торжествующе посмотрел на белых людей, как бы говоря: «Победите меня, если сможете».

- Будь я проклят! - воскликнул Бельмонт. - Ты был прав насчет того, что он умел обращаться с кремнем и сталью, Нед.

- Бьюсь об заклад, он этого сам не обнаруживал, - заявил друг.

- Этот старый факир жил среди белых людей. Но ты видишь, что он использует вместо стали? Это что-то вроде метеорита!

Затем, когда он достал из кармана коробок спичек, Торнтон заметил:

- А теперь смотрите, как я его встряхну.

С этими словами он чиркнул спичкой и поднял ее так, чтобы все могли видеть пламя. Он ожидал увидеть на лицах индейцев удивление, если не полный ужас. Но вместо этого они не выказали ни интереса, ни удивления. Судя по всему, они всегда пользовались безопасными спичками и старый знахарь насмешливо захихикал.

- У Ауримеоны много таких же спичек! - воскликнул он и достал из своей сумки коробок.

- Будь я проклят! - тихо сказал Торнтон. - Они были в контакте с цивилизацией.

- Но все еще считают кремень и сталь волшебными, - добавил Бельмонт. - Черт возьми, у них все шиворот-навыворот.

- Интересно, что они подумают об этом, - заметил исследователь, доставая из кармана увеличительное стекло и показывая его индейцам. Затем, наклонившись, он навел его на пучок сухой травы. Человек-павиан и его товарищи внимательно наблюдали за происходящим, и когда сухой материал задымился и загорелся, из их уст вырвался испуганный вопль удивления.

- Я скорее предполагаю, что этот огонь затмевает огонь его волшебного камня, - засмеялся исследователь, убирая линзу в карман. - Держу пари, что старик расскажет все, что знает, в обмен на это стекло.

Было очевидно, что знахарь завидовал. Ему не хотелось принимать гостей, которые могли бы творить чудеса, с которыми он не мог сравниться, и он откровенно заискивал перед белыми людьми, бормоча ластивые слова и комплименты, бормоча на смеси ауримеонского и говорунского, но ни на мгновение не отрывая своих глаз-бусинок от кармана, в котором лежало волшебное стекло. Наконец, отведя двух мужчин в новую хижину, он сообщил им, что она принадлежит им. По кругу пошли еда и угощение, и, когда индейцы собрались вокруг, Торнтон раздал подарки.

Сразу стало очевидно, что даже если Павиан был связан с цивилизацией, то его народ - нет. Индейцы были в полном недоумении относительно использования или назначения многих подарков, а ткани, бусы, булавки и ножи вызвали у них возгласы удивления и восторга.

- Если они никогда не встречали белых людей, то откуда, черт возьми, у них есть железо и другие предметы? - спросил Бельмонт. - У их стрел железные наконечники, у мужчин ножи и мачете, а в углу хижины стоит треснувшая порционная тарелка.

- Вероятно, они торговали такими вещами через другие племена, - ответил Торнтон, - или, возможно, их привозили люди-павы. Во время одной поездки я нашел деревню, где люди все еще пользовались каменными орудиями, но у них были дробовики.

Когда с раздачей подарков было покончено, путешественник начал расспрашивать знахаря о лесе и возможности нанять проводников для похода в него. Старик, однако, настаивал на том, что заходить в джунгли дальше, чем на короткое расстояние, невозможно. По его словам, там протекала большая река, и за реку не мог перейти ни один человек, так как это было обиталище дьяволов и злых духов. Если бы белые люди захотели перейти на берег реки, его люди проводили бы их, но дальше этого - нет.

Тогда он наивно спросил, почему они желают войти в лес, и чего они добивались.

- Той же старой двухъярусной про дьявола-бесы, - воскликнул Бельмонт. - Скажи ему, что мы ищем его.

- Подожди, дай мне разобраться с этим, Фрэнк, - перебил его друг. Затем, снова повернувшись к Павиану, Торнтон заверил его, что они просто хотели осмотреть лес и нанести на карту реку, и спросил его о размеры и течение реки. Все это, по мнению нетерпеливого инженера, было пустой тратой времени и не имело никаких последствий. Однако индеец либо не смог, либо не захотел предоставить желаемую информацию. По его словам, река была быстрой, она была не слишком широкой, и ее можно было бы пересечь, если бы не дьяволы по ту сторону. Кроме того, по его словам, река, согласно преданию, протекала через «дыру в земле», хотя он лично об этом не знал.

- Он все еще что-то подозревает нас в чем-то, - заявил Бельмонт, - и он знает об этом районе гораздо больше, чем признается. Держу пари, что его месторождение находится вон за той рекой. Почему бы тебе не спросить его прямо? Какой смысл ходить вокруг да около?

- Да, я думаю, он все прекрасно знает, - согласился Торнтон. - Теперь я собираюсь преподнести ему сюрприз.

Повернувшись к знахарю, он резко потребовал объяснить, как, если лес полон дьяволов, человек-Павиан может безопасно туда попасть. Виноватое выражение удивления промелькнуло на морщинистом лице старика, он заерзал и, наконец, уклонился от прямого ответа, спросив, почему белый человек думает, что он когда-либо был там. Торнтон наклонился вперед и коснулся самородков на лодыжках индейца, указал на мешочек с камнем и метеоритом и пристально посмотрел индейцу в глаза.

- Я, теллум Пайман, найду это место, - заявил он. - Я, сабби Пейман геттум поджигает реку рокстоун-топсайд.

Знахарь отступил назад, украдкой огляделся по сторонам, а затем, словно поняв, что ему не удастся одурачить белых людей, признался, что дружит с дьяволами, что владеет чарами, которые делают их бессильными причинить ему вред, и, в довершение всего, предложил себя в проводники и сказал, что они вдвоем отправятся к тому месту, где он раздобыл золото в обмен на волшебную луну, создающую огонь.

- Молодец старина Билликинс! - Воскликнул инженер. - Он не дурак. Эта линза для него лучше, чем все золото и железо.

- Кажется, я начинаю понимать, - задумчиво произнес Торнтон.

- Он продолжает заниматься этим дьявольским бизнесом, чтобы помешать своим людям последовать за ним в буш, играет на их превосходстве в своих собственных целях. И теперь, когда волшебство «кремня и стали» начинает становиться старой сказкой, он стремится заключить любую сделку, чтобы получить немного нового волшебства. Я думаю, река, о которой он говорит, - это река Белмонт.

- Черт бы побрал эту реку! - Засмеялся его друг. - Давай отправимся за золотом. Спроси старого негодяя, можем ли мы пойти завтра.

Но Павиан в ответ покачал головой. Он и слышать ничего не хотел о таком плане и настаивал на том, что у индейцев должно быть время на приготовления, что они должны устроить пир и отпраздновать визит белых людей и приобретенные ими богатства, и если они отправятся в путь, не умиловив предварительно злых духов, это приведет к катастрофе.

Спорить или уговаривать было бесполезно. Шаман был непреклонен, и, несмотря на нетерпение Бельмонта, Торнтон убедил его, что единственный выход - согласиться с планами Павиана.

- Он может вообще отказаться, если мы этого не сделаем, - заявил он. - Хотя он играет на суевериях индейцев ради его же блага, он такой же суеверный, как и любой из них, и мы должны потакать ему.

С наступлением темноты праздник начался. Индейцы, одетые во все свои церемониальные наряды - короны из перьев, мантии из плюмажей, погремушки и танцевальные палочки, с отвратительно раскрашенными телами и лицами, гарцевали и скакали под прерывистый отблеск костров и пульсирующий грохот барабанов. Какими бы дикими они ни казались, ауримеоны были добродушны, счастливы и веселы, и вскоре они настояли на том, чтобы белые люди присоединились к пирушке.

Торнтон, давно знакомый с обычаями индейцев, сразу же согласился, надел головной убор из перьев, схватил трость для танцев и вскоре уже кричал и гарцевал с лучшими из них. Но Бельмонт удержался. Он почувствовал себя неловко, решил, что все это - сплошная глупость, и поклялся, что лучше пусть его повесят, чем он выставит себя ослом.

- Забудь об этом! - крикнул исследователь, прервав танец. - Индейцам это понравится. Мы хотим, чтобы наши отношения с ними были как можно более прочными. Просто забудь, что ты степенный и достойный житель Нью-Йорка, и стань на время дикарем. Это и вполнину не так нелепо, как та чушь, которую вы несете на своих посвящениях в ложи.

Инженер неохотно согласился и вскоре он проникся духом веселья, и, включая капитана лодки-метиса Джозефа, двух белых мужчин и Пианоготто, прыгали и кричали, а старый павиан, казалось, никогда не уставал и был самым жизнерадостным из всего своего племени.

Однако это была напряженная работа, и вскоре Бельмонт вышел из круга. Торнтон последовал за ним, и, незаметно проскользнув в свою хижину, они упали в свои гамаки.

Внезапно Бельмонт расхохотался.

- Что смешного? - спросил Торнтон.

- Мне просто интересно, - ответил инженер, - что мои сотрудники в офисе подумали бы, если бы увидели, как я развлекаюсь с этими дикарями.

- Очень просто, - усмехнулся Торнтон, - они бы подумали, что ты свихнулся.

- Черт бы побрал этих негодяев! - воскликнул Торнтон, выходя из хижины на следующее утро. – Я боялся, что это случится.

Бельмонт вскочил со своего гамака и выбежал на улицу.

- Что случилось? Что-нибудь не так?

Исследователь указал на группу женщин, стоявших вокруг огромного деревянного корыта. Все они деловито жевали и сплевывали в емкость.

- Готовят грязную пирушку? – пробормотал инженер. - Ну и что с того? Если им это нравится, почему мы должны возражать? Давайте соберем Билликинса и начнем.

- Если мы заставим его начать через неделю, нам повезет, - заявил его друг. - Они готовятся к пирушке, когда хорошенько напьются, и такие мероприятия часто длятся от недели до десяти дней.

- Вот, дьявол! - Воскликнул Бельмонт. - Давай займемся делом и посмотрим, не удастся ли нам вразумить их.

Они нашли знахаря дремлющим в дверях своей хижины, и на все мольбы Торнтон он только покачал головой. Он ударил себя по голове, настаивая на том, что было бы оскорбительно для духов и его гостей, если бы веселье прекратилось. Аргументы, угрозы, обещания – все было бесполезно. Частью программы было праздничное пиршество, и ничто не могло изменить планов индейцев и в конце концов Торнтон в отчаянии сдался.

- Это бесполезно, - объявил он. - Мы должны извлечь из этого максимум пользы. В конце концов, несколько дней не имеют большого значения. Если между ауримеонами и нашими пианоготто не начнется драка, все будет не так уж плохо. Я думаю, что отправлю наших проводников и носильщиков обратно, чтобы избежать неприятностей.

Однако Пианоготто наотрез отказались уходить. Они не собирались пропускать веселье, и, поняв, что он ничего не могут с этим поделать, исследователь уселся в тени хижины, закурил трубку и угрюмо наблюдал за приготовлениями индейцев.

Корыто с пережеванной маниоккой было залито водой и оставлено бродить, пока не приобретет желаемый вкус, а индейцы слонялись без дела, бездельничали и спали, забросив все дела и ожидая, когда закончится день и начнется веселье. Естественно, двое белых мужчин были фактически пленниками, пока оргия не закончилась, потому что без проводников и носильщиков они никуда не могли пойти. Но ничто не мешало им бродить там, где им заблагорассудится, и Торнтон предложил им самим провести небольшое исследование.

Это устроило инженера, и они вместе отправились в путешествие. Не успели они пройти и дюжины ярдов, как к ним присоединился Джозеф, заявив, что он не будет принимать участия в празднестве, и объяснив, что его вождь запретил кому-либо из жителей его деревни использовать пейварри, поскольку его народ был почти уничтожен во время оргии прошлой ночью.

- Парень из «сухого закона»? - Рассмеялся Бельмонт.

- Ну что ж, я рад, что мы можем положиться на одного трезвого человека. Никогда не думал, что стану сторонником трезвости, но как черт возьми, пейварри мог уничтожить индейцев?

- Кенайма, - ответил Торнтон. - Если индеец получит в пьяном виде начинается драка, в результате которой погибает человек, индийский закон требует, чтобы убийца и все члены его семьи были уничтожены. Более того, эта месть должна быть осуществлена Кенаимой, человеком, который, согласно определенным обрядам, считается одержимым Кенаимой, или духом кровавого мстителя. Он может быть либо тигром Кенаима или «камуди» (змея) Кенаима, но в любом случае он должен выследить и уничтожить свою жертву определенными предписанными способами: ударом дубинки, если это тигр-кенаима, или удушением, если это камуди-кенайма. Кроме того, во время охоты на человека он не должен видеть живое существо или разговаривать с ним, ибо, согласно индейским верованиям, если он это сделает, то должен убить несчастного, которого встретит. Когда ему, наконец, удастся достичь своей цели, он дол-

жен проткнуть палкой тело своей жертвы и слизать с него кровь, чтобы вернуть себе статус обычного человека. В противном случае, считается, что в нем навсегда поселится дух Кенаимы, и он будет буйствовать, убивая всех, кого встретит.

- Приятный, жизнерадостный попрошайка, - прокомментировал БельМонт. - Но я пока не вижу, как закончится этот вечер. Таким образом, было бы уничтожено целое племя. Что помешает преследуемому поменяться ролями и убить преследователя?

- Этому ничто не мешает, кроме суеверий индейцев, их твердой веры в сверхъестественный характер кенаимов и того факта, что если один мститель будет уничтожен, другой немедленно пустится в погоню, - ответил Торнтон. - Для индийского убийцы нет никакой надежды избежать смерти от рук кенайма. Известно, что они отслеживают жертву в Джорджтауне и убивают ее на улицах. Причина, по которой деревня или племя могут быть стерты с лица земли, особенность Кенаимы в том, что родственники жертвы, естественно, начинают свою кенаиму один за другим, и таким образом начинается вражда, которая может продолжаться до тех пор, пока не будут уничтожены все члены общины. Вот почему я стремился избавиться от наших Пианоготто. Если они начнут драться с Ауримеонами в пьяном виде, кто-нибудь может погибнуть и начнется Кенайма. Тогда... Одному Господу известно, чем это может закончиться.

- У нас нет никаких шансов, не так ли? - спросил Бельмонт.

- Вряд ли. Я никогда не слышал о том, чтобы кенайма выследили или убили белого человека, и даже индейцы вряд ли могли бы считать нас родственниками Пианоготто или ответственными за них. Однако я не думаю, что возникнут серьезные проблемы. Чего я боюсь, так это того, что индейцы будут настолько измучены и больны после своего веселья, что мы задержимся на несколько дней или даже недель.

Разговаривая, трое мужчин пересекли полосу саванны и достигли опушки леса. В тот момент, когда они вошли в него, они поняли, насколько безнадежной будет попытка совершить долгое путешествие без проводников. Здесь было гораздо гуще, чем в любых джунглях, которые они видели до сих пор. Не было никаких видимых тропинок, и было почти невозможно двигаться в каком-либо направлении, не срезая путь. Здесь ничего нельзя было сделать, и, вернувшись по своим следам, они побрели через саванну к ручью, который Торнтон в шутку назвал в честь своего друга. Затем они пошли вдоль его берегов и обнаружили, что там, где он впадал в лес, можно было легко проникнуть в джунгли, потому что уровень воды был низким, а между водой и зарослями на берегах виднелась довольно широкая полоса песка и камней.

- По этому ручью можно было бы пройти далеко в лес, - заявил исследователь. - По всей вероятности, это и есть та река, о которой упоминал Павиан и которая образует границу со страной «дьяволов». Но она, должно быть, течет окружным путем, чтобы оказаться в пяти днях пути от деревни вон там.

- Почему бы нам не пойти по ней и не выяснить? - предложил инженер. - Мы могли бы сами собрать достаточно снаряжения, и Джозеф тоже мог бы нести груз. Уолтерс тоже пошел бы с нами, и мы могли бы забраться на шахту старого Билликина без его помощи.

Торнтон покачал головой.

- Нам троим не хватило бы еды на три дня, не говоря уже о пяти, - заявил он. - А что касается Уолтерса, то сегодня вечером он будет пьянее любого индейца. Эти полукровки еще хуже, чем чистокровные.

Однако вскоре они обнаружили, что даже если бы им удалось взять с собой достаточно припасов для путешествия, движение по руслу ручья было бы неосуществимым. Путь преграждала отвесная каменная стена, и ручей, протекавший у ее подножия, резко поворачивал на юг. Однако на противоположном берегу скалы были изломанными и неровными, и можно было бы пройти дальше, перейдя ручей выше по течению. Но так как было уже поздно и продолжать путь было бесполезно, все трое вернулись в саванну и деревню.

- Я уверен в одном, - заметил Бельмонт, который тщательно обследовал русло ручья и скальные образования. - Павианы не добывают свое золото из этой реки, но я готов поспорить на свою репутацию горного инженера, что в нем нет ничего стоящего или крупных самородков.

- Тут я с тобой согласен, - сказал Торнтон, - но я все же верю, что шаман действительно знает местонахождение сказочно богатых россыпей, о которых его предки рассказывали Рэли.

- Что касается меня, то я начинаю испытывать отвращение ко всему этому делу, - заявил инженер. - У меня нет ни малейшего желания верить в эту историю Эльдорадо или Маноа. Возможно, Павиан нашел россыпь или карман, но, скорее всего, он уже давно собрал все самородки. И, насколько нам известно, золото могло храниться в племени на протяжении столетий. Я начинаю понимать, что должен был пуститься в такую безумную погоню за гусем.

Торнтон рассмеялся.

- Не стоит себя корить. В любом случае, у тебя есть золотые яйца, которые снесла дикая гусыня. В деревне Ауримеона достаточно денег, чтобы оплатить экспедицию и получить неплохую прибыль в придачу. Если мы больше ничего не получим, то обменяем все золото, которым владеют индейцы.

- Возможно, несколько тысяч, - неохотно согласился с ним друг. - Но не целое состояние, как предполагалось.

К этому времени из деревни донеслись крики, которые говорили о начале пирушки.

- Нам лучше вести себя как незаметному игроку, насколько это возможно. И не забывайте обращать внимание на «нюансы». Если начнутся неприятности, мы сможем схватить их и связать в нашей хижине. - Затем, повернувшись к Джозеф, Торнтон предупредил проводников, взял с него обещание не прикасаться к спиртному и посоветовал ему не вступать в споры с другими индейцами и не обижаться на то, что они могут сделать или сказать.

Однако до сих пор ни один из соплеменников не предпринял достаточно активных действий, чтобы потерять контроль над своими чувствами, в то время как Пианоготто и полукровка Уолтерс стояли в стороне от группы.

- Я надеюсь, что они и дальше будут держаться вместе, а что касается остальных, - добавил он, - то нам будет легче следить за ними и загонять в угол, если они действительно попадут в беду. Привет! Где этот парень, наполовину ауримеонец?

Однако этого человека нигде не было видно, и Торнтон приказал Джозефу выследить его и не спускать с него глаз во время веселья, а также сообщить, если он проявит какие-либо признаки агрессивности.

Когда солнце село и наступила темнота, запылали костры, и с каждым часом индейцы становились все более неистовыми. Вскоре многие из них уже не могли твердо идти или даже держаться на ногах и бросались в свои бурдюки или на землю, где продолжали пить. Другие, все еще твердо стоявшие на ногах, начали выкрикивать хвастливые рассказы о своей храбрости и доблести и расхаживать с важным видом, насмехаясь над окружающими и осыпая их оскорблениями. Однако на них не обращали особого внимания, хотя раз или два между двумя индейцами случались вялые потасовки.

Торнтон и Бельмонт также заметили, что ни у кого из ауримеонов не было оружия, и они вели себя должным образом. Даже женщины и дети безудержно пили, и вскоре вся деревня была вовлечена в отвратительную оргию.

Двое белых мужчин держались в тени, стараясь следить за движениями капитана лодки и Пианоготто, в то время как Джозеф бесшумно скользил взад-вперед, зорко наблюдая за Ауримеонкой-полукровкой. Несколько раз женщины подзывали Арекуну и уговаривали его выпить. Каждый раз Джозеф хитро соглашался и, делая вид, что пьет спиртное, выплескивал его на землю, как только женщины отворачивались.

- С ним все в порядке, - заявлял Бельмонт. - Они настроены серьезно, и я не думаю, что в конце концов возникнут какие-то проблемы. Кажется, они все успокаиваются.

- Они слишком пьяны, чтобы даже разговаривать, - прокомментировал Торнтон. - Большинство из них лежали, как свиньи в своих хлевах, и так много женщин были пьяными, что не так уж много разговоров шло по кругу.

- Ей-богу, у меня есть план! - воскликнул инженер.

- Что помешает нам вылить остатки выпивки из корыта? Аборигены слишком пьяны, чтобы что-либо заметить. Мы можем подкрасться незаметно и опустошить запасы, и они подумают, что сами их использовали.

- Хорошая идея, - согласился Торнтон. - Но если ты или я попробовали бы, нас бы тут же поймали. Мы позволим Джозефу попробовать. Он может подойти к корыту с тыквой, как будто хочет подкрепиться, и когда никто не смотрит, Боже правый! Ад вырвался на свободу!

Из группы индейцев, собравшихся у одного из костров, послышались дружные крики и пронзительный визг. Группа мгновенно превратилась в дерущуюся массу, и американцам хватило одного взгляда, чтобы понять, что Пианоготто попали в беду.

Двое мужчин мгновенно бросились вперед, но прежде чем они успели добраться до места драки, к ним подбежал Джозеф.

- Мне было очень плохо! - Задыхаясь, выпалил он с дикими глазами и возбужденным видом. - Парень из Пианоготто убил человека из Ауримеоны. Ауримеона приготовила для киллума все Пианоготто!

Расспрашивать о подробностях было некогда. Худшие опасения белых оправдались, и убийство свершилось. Самым важным сейчас было предотвратить дальнейшее кровопролитие и разнять дерущихся, прежде чем все Пьяноготто будут убиты. Пробиваясь сквозь дерущихся пьяных дикарей, Торнтон и Бельмонт добрались до центра деревни. На земле лежал мертвый Ауримеона, его голова была раскроена ударом мачете, а над телом стояли трое Пьяноготто, капитан лодки и Ауримеона-полукровка, у последнего из глубокого пореза на плече сочилась кровь. Им действительно повезло, что ауримеоны не были вооружены, и, хотя они намеревались уничтожить других соплеменников, они были настолько сбиты с толку, что действовали глупо и медленно.

С другой стороны, Пианоготто выглядели довольно трезвыми и пытались отступить, в то время как Уолтерс охранял их отход с окровавленным мачете в руках. Он схватил его за руку и в пьяной ярости удерживал ауримеона на расстоянии. Крикнув капитану, чтобы тот не наносил удара, Торнтон бросился вперед, за ним последовали Бельмонт и Джозеф. Но едва эти слова были произнесены, как капитан замахнулся своим оружием на ближайшего индейца и бездыханным повалил его рядом с поверженным соплеменником.

На краткий миг ауримеоны отступили, и, воспользовавшись этим, исследователь вырвал оружие из рук Уолтера, схватил его за шиворот и, крикнув остальным следовать за ним, пинками и тумаками заставил Пианоготто двигаться, а сам поспешил прочь с капитаном из деревни. Бельмонт, следуя примеру своего товарища, схватил ближайший Пианоготто и, толкая перед собой Ауримеону-полукровку, побежал с Торнтоном в темноту, за пределы света костра. Джозеф тем временем исчез, но мгновение спустя прибежал, неся ружье инженера и патронташ. Он понял, какой опасности они подвергались без оружия, и рисковал своей жизнью, чтобы вернуться в хижину и забрать ружье. Бельмонт полностью оценил смелый и продуманный поступок Арекуна, но у него не было времени на это. Он не мог выразить свою благодарность, потому что даже инженер знал, что всем им грозит смертельная опасность.

В деревне царил смятение. Ауримеоны были одержимы жаждой мести, и единственная надежда на спасение заключалась в том, чтобы как можно быстрее пересечь саванну и попытаться добраться до отдаленной деревни Пианоготто до того, как Ауримеоны придут в себя настолько, что смогут следовать за ними.

Это была отчаянная мера. Перед ними простиралась саванна, огромная, черная и бескрайняя, как спокойное море и войти в нее ночью без провизии и припасов было почти само-

убийством, но еще большая опасность подстерегала их в деревне. Внезапно из деревни донесся жалобный крик, странный, леденящий кровь вопль: «Кенайма! Кенайма!» При этом ужасном слове Пианоготто съежились и задрожали, Джозеф издал тихий стон и вздрогнул, и даже прозаичный Бельмонт почувствовал странное покалывание на голове. Все понимали ужасный смысл этого пронзительного крика, и беглецы, не колеблясь, углубились в лабиринты непроходимой саванны.

Они спешили всю ночь напролет, и по мере того, как они шли, у капитана и Пианоготто проходило действие спиртного, и, шаг за шагом, они рассказывали, как начались неприятности. Ауримеона насмехалась над полукровкой, называя его отступником. Пианоготто встали на сторону своего спутника. Ауримеон ударил его и ранила в плечо, а раненый мужчина вырвал мачете у нападавшего и убил его. Затем появился Уолтерс и еще один Ауримеон был принесен в жертву, и в результате безжалостный Кенайма последовал за ними и Ауримеоны будут идти по следу до тех пор, пока не свершится возмездие.

- Похоже на сердечное прощание с золотой жилой, - заметил Бельмонт, когда они, спотыкаясь, двинулись дальше, а звуки, доносившиеся из деревни, стали слабыми и вскоре совсем пропали.

- Для нас это тоже будет прощанием, если нам не будет сопутствовать удача, - мрачно подметил Торнтон.

- Значит, ты действительно веришь, что они пошлют за нами Кенаиму? - Спросил инженер.

- В этом нет никаких сомнений, - уверенно заявил его друг, - есть две смерти, за которые нужно отомстить, а законы кровной мести священны. Держу пари, Кенайма уже напал на наш след.

Бельмонт невольно оглянулся и нервно сжал пистолет. Ему живо вспомнилось, что Торнтон рассказывал ему обо всем этом, но темнота была непроницаемой. - Ты ведь не думаешь, что он побеспокоит нас? - спросил он, словно желая успокоить самого себя.

- Они знают, что мы непричастны к убийствам.

- Я бы очень хотел, чтобы он этого не сделал, - сказал исследователь, - но я не могу знать наверняка. Согласно закону Кенаима, не только убийцы, но и все их семьи должны быть уничтожены. И Уолтерс, и этот раненый мужчина станут прямыми объектами мести, и поскольку Пианоготто были вовлечены в это дело, и поскольку мы помогли всем сбежать, я убежден, что, с точки зрения Ауримеоны, мы все в одной лодке.

- Чертовски веселая мысль, - проворчал Бельмонт.

- Если мы сможем добраться до Эссекибо и нашей лодки, я думаю, мы будем в безопасности, - продолжил Торнтон. - Я не представляю, как Кенайма будет преследовать любого, но только не настоящих преступников. Но до тех пор смерть подстерегает нас в каждой чаще, на каждом шагу. И есть еще одна причина, по которой я верю, что мы будем вовлечены в месть. Старик Павиан не постеснялся бы ни перед чем, чтобы заполучить мое зажигательное стекло. Не то чтобы он украл его, потому что эти индейцы честны, но он знает, что потерял все шансы заполучить его, показав нам золото, и если он сможет найти предлог, чтобы убрать нас с дороги с помощью Кенаимы, он сделает это, чтобы заполучить волшебную луну, как он ее называет. Меньше всего удивлюсь, если старик сам сдаст Кенаиму.

- Что ж, он или любой другой проклятый индеец, который попытается вмешаться в мои дела с кенаимой, получит заряд картечи, - заявил инженер. - Они поймут, что избивание белого человека - это совсем не то же самое, что стукнуть испуганного индейца по голове.

- Я надеюсь, до этого не дойдет, - тихо сказал Торнтон. - Это означало бы только, что мы станем жертвами другого мстителя. Но, конечно, если ты увидишь кенаиму, тебе придется стрелять, чтобы спасти жизни этих парней или наши собственные.

Несколько раз, пока они торопливо шагали проводник заблудился, и они бесцельно бродили в поисках тропы. Но с наступлением темноты проблем стало меньше, и наконец они добрались до небольшого ручья.

Глаза у них слипались от недосыпания. Они устали и натерли ноги, раненый индеец был так слаб от потери крови, что товарищи несли его на руках, и было очевидно, что необходимо сделать привал.

Тщательно скрывая свои следы, они повернули под прямым углом и, продираясь сквозь жесткую траву и сорняки, добрались до небольшой рощицы в ложбине. У них не было еды, и, хотя вокруг было много птиц, Бельмонт не решался стрелять, опасаясь выдать их укрытие возможным преследователям. Джозефу, однако, удалось поймать в силки птицу-трубача, и, несмотря на опасность, они развели небольшой костер и приготовили это существо. О сне не могло быть и речи, потому что все были слишком взволнованы, слишком живо реагировали на опасность, чтобы сомкнуть глаза. Как ни слаб был раненый, он заявил, что предпочел бы умереть от голода в чаще, и они возобновили свой утомительный поход.

Впереди шел Пианоготто. Позади него двигался раненый, поддерживаемый своими товарищами-индейцами. За ними шли Бельмонт, Торнтон и Уолтерс, а Джозеф замыкал шествие.

Все понимали, что до тех пор, пока они были начеку и двигались, они были в безопасности, ибо кенайма, как объяснил Торнтон Бельмонту должен сразить свою жертву предписанными методами. Весь долгий, изнуряющий, жаркий день они шли вперед. У них кружилась голова от солнца, недосыпания, голода и жажды, и даже неутомимые индейцы спотыкались и проявляли признаки усталости. Когда солнце село, Торнтон настоял на том, чтобы они разбили лагерь на ночь, потому что звериные тропы то и дело пересекали тропу, и пытаться двигаться дальше в темноте означало бы просто безнадежно заблудиться. И вот они снова свернули в сторону, надеясь найти укромное местечко, где была вода, и, чтобы лучше рассмотреть окрестности, поднялись на невысокий холм.

Джозеф был первым на вершине, и когда он обвел взглядом горизонт, то издал испуганный возглас и указал назад, на восток. Над морем колышущейся травы простиралась стена дыма, а под ней сверкали и прыгали огромные языки пламени, пожиравшие сухую траву. Саванна была в огне! Сильный ветер, дувший с востока, разгонял пламя, которое направлялось прямо на беглецов, и с каждым мгновением густой дым и мечущиеся языки пламени подбирались все ближе и ближе.

На короткое мгновение группа на холме замерла, завороченно глядя на эту новую опасность. Затем Торнтон обрел дар речи и стал выкрикивать приказы.

- Вырывайте траву, - крикнул он. - Затем подожгите ту, что на западе. Это наш единственный шанс. Мы должны бежать в лес. Ауримеоны пытаются нас уничтожить.

Мужчины лихорадочно вырывали траву и сорняки с холма, но прежде чем это было сделано, спустилась темнота, стал отчетливо слышен рев приближающегося пожара, и пламя озарило саванну ярким светом, в то время как удушливый дым заполнил легкие беглецов. Осветив опоясывающую их полосу растительности, исследователь и его спутники попятнулись как можно дальше от жара. Поднялся ветер, трава быстро загорелась, и, прежде чем начавшееся столкновение достигло холма, в полумиле от него людей укрыл широкий участок обугленной и почерневшей земли. Это был старый трюк равнинников, и он сделал свое дело. Нельзя было терять ни минуты, и хотя земля все еще местами пылала, то тут, то там куст или небольшое деревце вспыхивали над дымящейся землей, как факелы, отряд выскочил из своего убежища и поспешил в лес.

Босые ноги индейца ужасно болели от раскаленной земли, на них густо сыпались угли и искры, и все задыхались и кашляли от дыма. Задолго до того, как они достигли прохладной защиты леса, раненый индеец бросился на землю, опустил голову на колени и приготовился ждать своего конца. Он не мог идти дальше и предпочел смерть мучениям, которые испытывал.

- Мы не можем оставить его здесь, - заявил Торнтон. - Мы должны найти какое-нибудь место, где есть влажная земля или вода и зеленая листва, и разбить там лагерь на остаток ночи.

Джозеф сразу же вызвался поискать подходящее место и вскоре вернулся с известием, что нашел неподалеку заросли и небольшой пруд. Подняв раненого и почти неся его, отряд, спотыкаясь, последовал за Джозефом и добрался до небольшой рощицы, где растительность была не тронута огнем. Вода в бассейне была черной от пепла, обугленных листьев и густой от грязи, но для пересохших от дыма глотков и горящих лиц она была на удивление приятной. Измученные голодом и слабостью, люди удрученно сидели в укрытии чахлах деревьев. В течение суток они ничего не ели, за исключением тощей птицы-трубача, прошли пешком много миль и работали лихорадочно, изо всех сил, чтобы спастись от огня, но никто не произнес ни слова жалобы. Если бы им только удалось добраться до джунглей, они, возможно, были бы еще в безопасности, потому что там можно было бы найти дичь, семена и орехи, которые могли бы уберечь их от голодной смерти, и при условии, что кенайма не уничтожат их, они могли бы еще побороться за место под солнцем, путь к деревне Пианоготто и безопасность.

Сон, однако, был необходим, и было решено, что сначала один, а затем другой будут дежурить, пока остальные спят. Поскольку Джозеф, хотя и был самым молодым в группе, выглядел наименее уставшим, ему поручили дежурить первым. Бельмонт передал свое заряженное ружье ему.

Арекуна упал на землю и в следующее мгновение уже крепко спал, потому что, как и остальные, был совершенно измучен. Он смутно осознавал, как Джозеф разбудил капитана лодки, когда вахта индейца закончилась, а затем внезапно пришел в себя и невольно вскрикнул при звуке выстрела и ужасающего крика.

Вскочив, он увидел, что Торнтон и Джозеф тоже проснулись, а капитан стоял, дрожа, с безумным взглядом, держа в руке все еще дымящееся оружие.

- Ого! - Воскликнул он прежде, чем кто-либо успел задать вопрос. - Кенайма, иди сюда! Я вижу, как он убивает больного человека. Он приближается, как тигр. Я хочу выстрелить в него, но не могу, Ого! Кенайма - это правда!

Остальные обернулись. Одного взгляда было достаточно. Раненый индеец был мертв, его череп был проломлен страшным ударом.

- Первая жертва! - Воскликнул Торнтон. - Но где же... что это за люди?

И тут все впервые осознали, что остальные индейцы пропали. Их нигде не было видно, и четверо мужчин уставились друг на друга с испуганными и серьезными лицами. Без Пианоготто в качестве проводников они безнадежно заблудились.

- Они дезертировали! - Воскликнул исследователь.

- Их страх перед кенаимами и лесом был слишком велик.

Но, слава Богу, мститель выбрал жертву. Жизнь бедняги сократилась всего на несколько часов, он не смог бы прожить и дня.

- Будь прокляты эти трусливые индейцы! - Взорвался инженер. - Так им и надо, если они попадутся кенаиме.

- Они попадутся, - заявил его друг. - Не сомневайся в этом. Но, боюсь, сначала он займется нами, так сподручнее.

- Чертовски приятное чувство - стоять здесь, как стадо овец, ожидая, что этот дьявол в любую минуту ударит по голове, - сказал Бельмонт.

- В настоящее время опасности нет, - заверил его Торнтон. - Скоро рассвет, а кенайма никогда не нападают при дневном свете. Джозеф, разведи огонь.

Дрожа от ужаса, с бронзовой кожей, на самом деле бледной от страха, арекуна повиновался, и веселое пламя во многом придало храбрости четверым выжившим.

- Мы должны немедленно скрыться в зарослях, - сказал Торнтон, когда взошло солнце.

- Даже кенайма не страшнее голодной смерти, а после пожара в саванне не останется дичи.

Двигаясь вдоль опушки леса на запад, мы, возможно, в конце концов доберемся до деревни Пианоготто. Это будет трудная работа, но это наша единственная надежда.

- Слава Богу, или, скорее, Джозефу, что у нас есть ружье и много патронов, - сказал Бельмонт. - Мы не умрем с голоду, если найдем дичь.

- Даже при наличии достаточного количества еды мы в чертовски плохом положении, - напомнил ему Торнтон. - Ближайшая деревня находится в семидесяти пяти милях отсюда, по самому прямому маршруту. У нас нет никаких припасов, одеял, гамаков, ничего, кроме одежды на нас, нескольких предметов в карманах, твоего оружия и боеприпасов, но есть безжалостный, жестокий, фанатичный убийца, который делает все возможное, чтобы стереть нас с лица земли. Но мы еще не закончили. Я уже бывал в довольно трудных ситуациях и выходил из них в полном порядке. А теперь давайте поспешим в лес.

К полудню они добрались до деревьев, увитых лианами, и до темных тенистых зарослей, и четверо полуголодных, совершенно измученных мужчин стали пробираться сквозь них. Они миновали густую растительность и оставили позади выжженную солнцем, почерневшую от огня саванну. Некоторое время джунгли были непроходимы, и Джозеф прорубал тропинку. Но, углубившись в лес, они оказались на более открытой местности, и группа продолжила путь тихо, насторожив глаза и уши в поисках любого живого существа, которое могло бы послужить пищей. Птицы летали высоко на деревьях, но были невидимы и находились вне пределов досягаемости выстрела, и только когда люди углубились на целую милю в лес, они слышали лающие крики туканов. Прокравшись вперед, Бельмонт сбил двух гротескных пернатых, а Джозеф бросился вперед, чтобы забрать желанную дичь, и, поднимая ее, издал радостный крик.

- Саури! - Воскликнул он, показывая огромный орех неправильной формы с грубой кожей.

Саури, или райские орехи, очень похожие на бразильские, но в три раза крупнее, были самой желанной и удачной находкой. Пока тулканы шипели на огне, голодные люди утоляли свои первые приступы голода, поглощая все орехи, которые могли найти. Однако их было слишком мало, и даже Джозеф не смог взобраться на огромное дерево и стряхнуть с него еще больше. Тулканы тоже были прискорбно маленькими и тощими, и этих двух крепких, жилистых созданий едва ли хватило бы, чтобы накормить досыта четверых мужчин. Но даже это скромное блюдо из орехов и тулкана придало им новую жизнь и силы, и они поспешили дальше, надеясь, что впереди их ждет еще более обильная еда.

Следуя самым легким путем между деревьями, заглядывая в каждую чащу и заросли кустарника и вытягивая шеи в поисках ленивцев, обезьян, попугаев или любой другой дичи, они почти не обращали внимания на то, что их окружало. Наконец они добрались до низкого, влажного места, где не было подлеска, и одна из обезьян бросилась через проход. Прозвучал выстрел из ружья инженера и животное перевернулось кубарем, и хороший обед был обеспечен. Близился закат, в лесу становилось все темнее, и так как болотистое место было неподходящим для лагеря, они повернули и направились к возвышенности. Вскоре они достигли невысокого гребня, на вершине которого росло огромное дерево мора. К основанию его прилежались огромные, похожие на плиты подпорки, простиравшиеся почти на двадцать футов с каждой стороны ствола. Между этими стенами из живой древесины был разведен костер, и мужчины приготовились провести ночь.

Во многих отношениях это было идеальное место для привала. Само дерево обеспечивало защиту с трех сторон, и враг был бы вынужден приблизиться к нему через узкий проход между ветвями. Конечно, там было укрытие, под которым можно было бы спрятаться Кейнаме или кому-то еще, находясь всего в нескольких футах от лагеря, но все это было низкорослым, и пока мясо жарилось, все работали, расчищая большое открытое пространство вокруг дерева. Вместо постелей были разложены листья, а густая листва дерева мора служила крышей, которая защищала от любого дождя.

Впервые за три дня, когда аппетит был полностью удовлетворен, мужчины почувствовали себя в полной безопасности и поздравили себя с тем, что удача сопутствовала им с тех пор, как они вошли в лес. Все понимали, что они должны быть постоянно настороже, поскольку выстрелы наверняка выдавали их местонахождение, и были приняты меры к тому, чтобы костры ярко горели всю ночь, освещая обширную территорию вокруг дерева. Торнтон заступил на вахту первым, но ночь прошла без происшествий и тревог, и, позавтракав остатками ужина, отряд снова двинулся в путь.

Было еще очень рано, крики попугаев и пение птиц наполняли лес, и через десять минут после того, как они покинули свой лагерь, Бельмонт подстрелил пару больших зеленых amazons и похожего на фазана маруди, который с шумом взлетел из-под ног. Джозеф сказал, что у него неподалеку есть гнездо, и вскоре при обыске были обнаружены четыре больших синезеленых яйца. Все еще голодные, мужчины остановились у ручья и поели жареного попугая с яйцами, оставив фазана на полдник. С гораздо более легким сердцем, чем когда-либо с тех пор, как они бежали из деревни Ауримеона, они шли час за часом. Но ни один яркий огонек среди деревьев не обозначал границы леса с саванной, и наконец Торнтон остановился. Он взглянул. Оглядевшись, он осмотрел деревья и, повернувшись к Джозефу, спросил его, уверен ли он, что они движутся в правильном направлении. Арекуна неохотно признался, что не уверен, и, задав вопрос капитану лодки, получил тот же ответ.

- Дьявол! - Нетерпеливо воскликнул исследователь.

- Мы попали в переделку. Мы были так увлечены бегством, что сбились с пути и заблудились. Мне следовало быть осторожнее и не терять ориентиры.

- Лучше заблудиться здесь, чем в саванне, - заявил Бельмонт. - Здесь мы, во всяком случае, с голоду не умрем. Но как, черт возьми, мы можем заблудиться, ведь все, что нам нужно сделать, это пойти на запад? Мы обязательно направимся в саванну в этом направлении.

- Конечно, - ответил Торнтон с сарказмом в голосе, - но в какой стороне запад?

Бельмонт огляделся.

- Пусть меня вздернут, если я знаю, - признался он. - Ни проблеска солнечного света, ни тени. Как насчет мха на деревьях?

- В тропиках эта старая схема не работает, - сообщил ему Торнтон. - Нет, нам придется положиться на природу. Пока солнце не сядет, мы, возможно, сможем определить запад по свету, падающему на верхние части стволов деревьев. А пока мы можем идти как в одну, так и в другую сторону, главное, чтобы мы двигались по прямой.

Вскоре Джозеф объявил, что, по его мнению, он знает, в каком направлении находится запад, и, следуя его примеру, вместе с Уолтерсом он поджигал деревья на ходу, и вечеринка продолжалась. Час спустя исследователь снова остановил их.

- С каждой минутой мы углубляемся в заросли, - заявил он. - Солнце перешло через зенит, и по свету, проникающему в небольшое отверстие, вы можете видеть, что мы направляемся на юго-восток. Мы должны немедленно развернуться.

Усталые и обескураженные, четверо возвращались обратно, ориентируясь по обгоревшим стволам деревьев, пока сгущающиеся сумерки не подсказали им, что пора разбивать лагерь. В нескольких шагах от холма, на котором они стояли, протекал небольшой ручеек. Поблизости росло еще несколько деревьев, и, чувствуя, что лучшего места им не найти, они сразу же начали готовиться к следующей ночевке. Бельмонт и Джозеф отправились на поиски дичи и у ручья добыли пака. Ночью не произошло ничего тревожного, но к утру пошел дождь, который усугубил их дискомфорт, заставляя жаться к огню. Наконец забрезжил слабый рассвет, и, когда на костре разогревались остатки вечерней трапезы, капитан встал, сказал, что идет к ручью напиться, и скрылся из виду за краем гряды. До ручья было совсем недалеко, уже почти рассвело, и никому и в голову не приходило, что Уолтерсу грозит хоть какая-то опасность. Прошло десять минут. Тишину леса не нарушали никакие звуки, кроме щебета птиц,

стука дождевых капель и приглушенных голосов мужчин. Внезапно Пронзительный, леденящий кровь вопль смертельного ужаса разорвал неподвижный воздух. Трое мужчин вскочили на ноги, потеряв дар речи и застыв на месте от ужаса. Снова и снова раздавались мучительные вопли, каждый из которых был слабее предыдущего, пока не перешел в протяжный, дребезжащий вопль - дикий, от которого волосы встают дыбом. Затем наступила тишина. С момента первого ужасного крика прошло всего пять секунд, но трое мужчин показалось, что прошли минуты. Торнтон первым пришел в себя и начал действовать.

- Ягуар! - Закричал он, бросаясь в направлении криков. - Он напал на Уолтерса. Вперед!

По пятам за ним шел Бельмонт с пистолетом наготове, а рядом с инженером был Джозеф с обнаженным мечом. На берегу ручья они остановились, пораженные. Не было видно ни капитана, ни следов борьбы. Совершенно сбитые с толку, они стояли, высматривая хоть какой-нибудь след, прислушиваясь к звукам, которые могли бы выдать присутствие гигантской кошки, раненого или мертвого человека. Затем издали снова донесся крик ягуара, и, повернувшись, они поспешили в направлении звука. Внезапно Джозеф издал испуганный вопль и застыл трясущийся и дрожащий, он указывал на мягкую землю.

- Кенайма, - прошептал он. - Тигр Кенайма!

На влажной почве были отчетливо видны отпечатки человеческих ног.

- Чепуха! - Воскликнул Торнтон, внимательно осматривая следы. - Это могут быть ваши или капитана. Мы уже бродили здесь раньше.

Но арекуна это не убедило.

- Я теллум, он Кенайма, - настаивал он. - Тигр не убивает Уолтерса. Тигр Кенайма ловит меня, сабби.

Бельмонт снова почувствовал то покалывание в затылке и странное ощущение вдоль позвоночника, которое охватило его, когда в саванне они нашли раненого индейца, убитого мстителем, его таинственным, невидимым, коварным врагом.

- Возможно, ты прав, Джозеф, - сказал исследователь, нарушая гнетущую тишину. - Я никогда не слышал, чтобы ягуар нападал на человека, если его не ранить. Мы пойдем по этим следам и посмотрим, куда они приведут.

Осторожно раздвигая листву и не упуская из виду следы, все трое прокрались вперед. Торнтон шел впереди, Бельмонт со взведенным ружьем наготове, и остальные. Арекуна, очевидно, ожидая быстрой и внезапной смерти на каждом шагу, старался держаться как можно ближе к защищающему его оружию. Некоторое время они шли по тропинке до того места, где она исчезала в зарослях, таких густых, что, казалось, человек не смог бы пробраться сквозь них.

- Странно, - пробормотал Торнтон. - У Уолтерса не было причин идти сюда, и если там прячется враг, заходить слишком опасно. Мы обойдем вокруг и посмотрим, не выйдут ли следы с другой стороны.

Однако путаница оказалась больше, чем они думали, и когда они прошли по его краю некоторое расстояние, то снова вышли к ручью. На мгновение они остановились в нерешительности, оглядываясь по сторонам. Затем Торнтон издал возглас удивления и поспешил к коричневатому предмету, наполовину скрытому среди каких-то широколиственных растений.

- Боже мой! - воскликнул Бельмонт, когда понял, что это было, и при виде этого зрелища его охватило тошнотворное чувство невыразимого ужаса. Скорчившись среди растений, с выражением ужасного, неопишуемого ужаса на искаженном лице, лежало мертвое тело капитана, его голова была раздроблена дубиной кейнаима.

Джозефу хватило одного быстрого взгляда. С пронзительным криком он отскочил назад и бросился бежать, как безумный, вслепую, прочь от проклятого места. Торнтон и Бельмонт кричали ему вслед, приказывая, угрожая, но он не обращал на это внимания. Нырнув в ручей, он перебрался через него и, не оглядываясь, бросился в лес на противоположном берегу.

- Давайте, мы не должны упустить его! - Закричал исследователь и, сопровождаемый инженером, бросился вдогонку за охваченным ужасом индейцем. Окликая на бегу арекуну, они пересекли ручей и, ориентируясь по звукам, которые издавал убегающий индеец, помчались через джунгли в погоню.

К счастью для всех, даже индеец не мог развить большую скорость в лесу, и шум от бегства Джозефа свидетельствовал о том, что он боролся с густой растительностью. По звукам двое мужчин поняли, что догоняют индейца, но они задыхались, измученные, изодранные и поцарапанные колючками, когда Джозеф наконец прекратил свое безумное бегство и они оказались рядом с ним. Однако физическое истощение прогнало безумный страх, и ему, казалось, было очень стыдно за то, что он бросил своих товарищей.

Все трое полностью осознавали, в каком ужасном положении они оказались теперь. В своей безумной погоне они совершенно потеряли чувство направления. Дождь все еще лил, и между верхушками деревьев не было видно ни проблеска. Услышав крики капитана, они бросили жаровню на костре и бросились прочь. Они даже не знали, где в темном лесу теперь лежит тело бедняги. притаившись в зарослях или непроницаемых тенях, Кенайма со своей окровавленной дубинкой ждал удобного случая, чтобы сразить очередную жертву своей мести. Еда была наименьшей из их забот. У них по-прежнему были ружья и боеприпасы, а лес изобилывал дичью. Даже присутствие кейнаимов не вызывало у белых людей такой жалкой, суеверной паники, как у индейцев. По их мнению, самая большая опасность заключалась в том, что они заблудились.

- Наш лучший шанс - найти этот ручей, Белмонт Реку, как мы ее называли, - заявил Торнтон, когда они отдышались и смогли спокойно подумать. Пока он говорил, тень улыбки промелькнула на его встревоженном лице, когда он вспомнил беззаботного, мальчишеского Тома.

- Если мы сможем добраться до него, - продолжил он, - то сможем вернуться по течению обратно в саванну. Но лично я не имею ни малейшего представления, где находится река.

- Если мы двинемся в любом направлении и продолжим двигаться по прямой, то в конце концов выйдем к какой-нибудь реке, - сказал Бельмонт. - Тогда, следуя вдоль нее, мы наверняка куда-нибудь выйдем. Все эти ручьи впадают в реки, и все реки впадают в море.

- Верно, - согласился исследователь. - Но, Фрэнк, ты не понимаешь, что это значит. Даже если мы будем плыть вдоль ручья или реки приличных размеров, нам могут потребоваться недели, чтобы добраться до ближайшей деревни или поселения, наша одежда превратится в лохмотья, обувь протрется насквозь, а последний патрон будет израсходован задолго до того, как мы доберемся до человеческого жилья. У нас есть только слабая надежда. Если мы не попадем на нужную реку, то, возможно, найдем такую, по которой можно сплавить плот или деревянную лодку, и, возможно, таким образом доберемся до населенных пунктов. На водопадах и порогах у нас есть огромные шансы разбиться, но мы должны рискнуть. Но прежде всего все это мы должны есть. Наша жизнь зависит от нашего здоровья и сил.

После часовой охоты они съели кюрасо и гуськом двинулись через лес, отмечая на ходу свои следы, стараясь держаться прямого курса и подбадривая себя надеждой найти ручей, который вывел бы их в саванну, или доставил бы их к цивилизации и безопасности. Как это всегда бывает в тропических зарослях, в течение дня дичи было немного, но ближе к закату Белмонт подстрелил обезьяну. Через несколько мгновений Джозеф издал радостный крик. До их ушей донесся приветственный звук бегущей воды, а впереди между деревьями показался яркий свет, и, поспешив вперед, они вышли на берег большого ручья с галечным дном. Ручей был неглубокий, а поскольку на противоположном берегу было довольно открытое место, Торнтон предложил переправиться и разбить лагерь на открытом месте.

- Я тут все обдумал, пока мы шли, - объявил он, когда они, шлепая по воде, перешли через ручей. - Я пришел к выводу, что нам не нужно бояться Кейнаму. Этот крик ягуара означает

триумф. Мститель не должен был издавать ни звука, пока его миссия не будет выполнена. Я уверен, что он вернулся к своему народу, полностью удовлетворенный тем, что долг крови его соплеменников погашен. Более того, я уверен, что этот ручей и есть та самая река, о которой говорил Павиан. Во-первых, маловероятно, что в лесу на той территории, которую мы обследовали, есть два больших ручья, и если это тот самый ручей, то никто, кроме самого Павиина, не осмелился бы перейти его из страха перед злыми существами и дьяволами.

- Может, ты и прав, Нед, - согласился Бельмонт, - и я надеюсь, что так оно и есть, особенно учитывая специфику этого потока, я чувствую себя намного легче здесь, в стране «дьяволов», чем с этой проклятой Кейнамой.

Пока Джозеф разводил костер и жарил обезьяну, двое мужчин обсуждали возможность спуститься по ручью.

- Если это тот ручей, который ты назвал в мою честь, - возразил Бельмонт, - так почему бы не развернуться и не пойти по нему обратно в саванну?

- По нескольким причинам, - ответил друг. - Если это тот самый ручей, а я только предполагал, что это может быть так, когда говорил о нем раньше, то он должен был пройти большое расстояние через лес, чтобы увеличиться до таких размеров. Ни нашей одежды, ни наших сил, ни вашей амуниции не хватило бы до тех пор, пока мы не смогли бы вернуться в саванну к пианиноготто по этому маршруту. Нет, наш лучший шанс — плыть по течению. Наша одежда будет спасена, мы сохраним силы, ниже по течению, несомненно, водится много рыбы, и если только мы не потерпим крушение из-за какого-нибудь неожиданного порога или водопада, то в конце концов доберемся до какого-нибудь поселения.

- Нам еще долго придется идти пешком, - заявил Бельмонт, глядя на ручей. - По этому ручью не проплыл бы и ялик, не говоря уже о плоте.

- Однако на нем будет плавать деревянный бурдюк, - ответил исследователь, - и это лучше, чем плот, особенно на случай, если мы наткнемся на крутые пороги или водопады. Джозеф может смастерить его, а мы добудем древесину за день, а пока сможем отдохнуть. Здесь много дичи и, возможно, рыбы. Я думаю нам повезло.

- Да, я полагаю, что так и есть, - согласился инженер. - Но это дьявольски неудачно для нашей экспедиции, и даже самородка в ней нет.

Ничто не потревожило их в ту ночь и на рассвете Джозеф начал работать над деревянной обшивкой, которая, как все надеялись, доставит их в безопасное место. Было найдено большое пурпурно-сердцевидное дерево, и индеец прорезал перпендикулярную щель в толстой гладкой коре с горизонтальными надрезами вокруг ствола длиной в восемнадцать футов. Затем он вогнал клинья под края среза, и через час у него получился большой цилиндр из коры восемнадцати футов длиной и почти четырех футов в диаметре. Тем временем Бельмонт подстрелил курицу, а Торнтон наловил в реке раков. Опасности умереть с голоду не было, и пока рулон коры отмокал на мелководье, Джозеф занялся изготовлением лука и стрел.

Оружие, безусловно, было несколько грубым, и ему не хватало красивой отделки и симметрии, присущих оружию гвианских индейцев, но щедрая природа обеспечила арекуну всем необходимым, и, поскольку он привык работать с небольшим количеством простых инструментов, у него получилось очень эффективное оружие. Пальмовые листья служили волокном для изготовления тетивы. Древки для стрел, которые можно было найти на берегу реки, служили для изготовления древков. Наконечники стрел были сделаны из твердого дерева и костей, а сухостой, выдержанный в течение долгого времени, был обтесан и превращен в шестифутовый лук.

Бельмонт, однако, довольно скептически отнесся к способности Джозефа добывать добычу с помощью примитивного оружия, но индеец только ухмыльнулся, и, как только его лук и стрелы были готовы, он встал и пошел к реке, осторожно переходя вброд, он приблизился к глубокому озеру среди скал. Затем, наложив стрелу на тетиву, он быстро натянул лук, длин-

ное древко вонзилось в воду, и, прыгнув вперед, индеец поднял свой трофей с десятифунтовой рыбой, бившейся на острие.

Бельмонт больше не испытывал страха, что у него может закончиться еда, даже если у него закончатся боеприпасы, и по предложению Торнтон было решено позволить индейцу таким образом сохранить патроны на случай непредвиденных обстоятельств. Во второй половине дня из воды был извлечен рулон коры, Джозеф наклонился соединил концы вместе, закрепил их прочными лианами, вставил между бортами распорки из твердого дерева, и легкое плавающее каноэ было готово.

- Отличный кораблестроитель, - одобрительно заметил Бельмонт, - Но это чертовски капризное судно. И как насчет этих открытых концов? Если мы столкнемся с бурной водой, лодка потонет.

Торнтон рассмеялся.

- Если вода поступает в один конец, она может вытекать из другого, - сказал он. - Но шутки в сторону, опасности нет. ты увидишь, что каноэ из деревянной коры прочнее, чем каноэ из бересты, а открытые концы находятся значительно выше уровня воды.

Джозеф был занят приготовлением весел, и инженер снова восхитился знанием Арекунов природных ресурсов. Вырезать весла из прочного дерева с помощью всего лишь мачете было бы долгой и кропотливой работой. Однако индеец не собирался отказываться от такого труда. Он выбрал небольшое деревце с глубокими бороздками на стволе, выступы на котором были тонкими и плоскими, как доски. Срезав их, ему оставалось только придать им нужную форму, и лопатки были готовы.

Исследователь усмехнулся, услышав искреннее удивление Бельмонта.

- Индейцы всегда используют этот вид дерева для изготовления весел, - объяснил он. - Его местное название - «ярури» или «массара», что означает одно и то же - дерево для гребли.

- Если я еще немного побуду в этих зарослях, то начну искать деревья с ружьями и коробками, полными пороха и дрови, - засмеялся инженер. - Очень жаль, что где-нибудь поблизости нет солеварни или сигарного куста. Я умираю от желания покурить, а соль не помешала бы нашей пище.

- Боюсь, тебе придется отказаться от соли, Фрэнк, - сказал Торнтон, - но тебе не обязательно ходить без курева. Джозеф, может ты сможешь поймать «пипу»?

Арекуна кивнул.

- Конечно, я, сабби кетчум, - ответил он и шагнул в кусты.

- Боже мой, не хотите же вы сказать, что здесь есть табак? - Воскликнул Бельмонт.

Торнтон, однако, только улыбнулся, и вскоре индеец вернулся. Не говоря ни слова, он вручил каждому из мужчин по объемистому, похожему на сигару предмету из тонкой, как бумага, коры, наполненному каким-то мелко измельченным веществом.

- Закуривайте, - засмеялся исследователь, когда Бельмонт подозрительно понюхал его.

- Я попробую один раз, - заявил он и, раскурив сигару, сделал пробный вдох. - Будь я проклят! - Воскликнул он, вдыхая облако ароматного дыма. - Это почти то же самое, что настоящая сигара.

Сытые, отдохнувшие и уверенные все трое отдыхали весь оставшийся день. Они спали спокойно и встали на рассвете, готовые отправиться в путешествие вниз по неизвестной реке. Джозеф, потерявший всякий страх перед кейнами, ускользнул в джунгли и вскоре вернулся с несколькими птицами и большой сухопутной черепахой, обеспечив всех едой на следующие два приема пищи. Мужчины спустили на воду свой деревянный бурдюк и погрузились на корабль.

С Торнтоном на носу, Бельмонтом посередине и Джозефом на корме, лодка оттолкнулась от берега, и индеец взмахом весла направил лодку от берега и каноэ вышло на середину реки. Легкое, как лист, оно поплыло по течению, которое подхватило его, и в следующее мгновение

троих мужчин быстро понесло вниз по реке. Милую за милей они преодолевали без усилий. Река быстро увеличивалась в размерах, в нее впадали многочисленные ручьи, и всегда над берегами возвышался лес. Она извивалась на север, юг, восток и запад, и при каждом крутом повороте скорость лодки снижалась, и она медленно приближалась к берегу, в то время как ее пассажиры внимательно прислушивались, потому что никогда не знали, когда можно ожидать стремнины или водопада.

Никаких водопадов или крутых порогов. Однако в тот день они встретили, и к середине дня над лесом показалась гряда далеких голубых гор. Поскольку это предвещало водопады и стремнины, было решено разбить лагерь и не пытаться плыть дальше. Они высадились на песчаной полоске пляжа, каноэ было вытаскано на берег, и пока двое белых мужчин собирали пальмовые листья для укрытия и дрова для костра, Джозеф со своим луком и стрелами отправился вниз по течению в поисках рыбы.

Все были в восторге от того расстояния, которое они благополучно преодолели. Кенайма больше никто не боялся, потому что их с ауримеонами разделяло много миль и все трое чувствовали себя уверенно. Хотя они все еще были окружены лесом, но, если бы не случилось несчастного случая, их судно могло бы безопасно доставить их в поселения, и они не боялись остаться голодными. Если не считать какого-нибудь непредвиденного происшествия, они были практически в конце всех своих неприятностей. Погруженные в эти мысли, двое мужчин деловито возводили свое грубое укрытие, когда в поле зрения появился Джозеф, бешено мчавшийся по пляжу, как будто Кенайма гнался за ним по пятам. Они сразу поняли, что произошло что-то серьезное и тревожное, потому что глаза индейца расширились от ужаса, а лицо стало пепельно-серым, и дрожал он, как от озноба.

- Что случилось? - с тревогой в голосе воскликнул Торнтон.

Вместо ответа Джозеф бросился к исследователю и крепко прижался к нему.

- Дидо! - воскликнул я. он болтал без умолку. - Дьяволы! Я вижу их! Двое, три дьявола! Вай-вай!

Торнтон тщетно пытался добиться от перепуганного индейца какого-нибудь вразумительного ответа. Но на все его вопросы Джозеф лишь повторял: «Дьяволы! Я вижу настоящих дьяволов!»

- Как думаешь, что, черт возьми, он там увидел? - Спросил Бельмонт.

- Я не знаю, но это напугало его до полусмерти, - ответил исследователь. - Надо бы разобратся. Ну же, Джозеф, где твой дьявол?

Арекуна только крепче прижался к Торнтону и чуть не зарыдал.

- Не заставляй меня ходить по этой стороне, - взмолился он. - Дьяволы едят.

- Заткнись, - приказал Торнтон, теряя терпение и совершенно забывая говорить по-английски. - Я не знаю, что ты видел, но ты болтливый идиот. Дьявола нет. Либо уходи, либо оставайся здесь. Мы собираемся найти то, что тебя напугало.

С трудом он высвободился из объятий индейца и вместе с Бельмонтом направился вниз по течению в том направлении, откуда пришел Джозеф. Однако индеец больше боялся остаться один, чем столкнуться лицом к лицу с тем, что он увидел, и, съежившись и дрожа, держался поближе к белым людям.

Пройдя немного по пляжу, они подошли к крошечной бухточке, и Торнтон резко остановился с удивленным восклицанием, пристально глядя на влажный песок. И когда его собеседник увидел, что привлекло его внимание, он тоже резко и быстро вздохнул. На песке отчетливо отпечатались огромные человеческие следы. Двое американцев обменялись быстрыми взглядами, и каждый прочел в глазах другого свои невысказанные мысли. Что за люди оставили эти следы на песке? Были ли они враждебно настроенными дикарями или ужасная Кейнайма все еще скрывалась где-то поблизости? Однако ни один из них не усмотрел ничего непонятного или сверхъестественного в этих показательных впечатлениях, которые могли бы объяс-

нить ужас Джозефа. Кто бы ни находился поблизости, они были полны решимости выяснить, кто он такой, и осторожно подкрались поближе, следуя по следам, которые вели к зарослям кустарника в сотне ярдов от них. Когда они достигли зарослей, которые простирались почти до берега реки, до их ноздрей донесся запах дыма, а из-за зарослей донеслись звуки низких гортанных голосов. С величайшей осторожностью они подползли к краю зарослей и выглянули сквозь листья и ветви.

За полоской кустарника виднелась небольшая лагуна или заводь, выход к морю ограничивала песчаная коса, заросшая камышом, а с противоположной ее стороны небольшая травянистая площадка простиралась до опушки леса. Но ни один из мужчин не обращал ни малейшего внимания на то, что происходило вокруг. Их взгляды были прикованы к открывшейся перед ними сцене. На траве возле костра сидели на корточках три гигантских обнаженных существа. Их кожа была черной, как эбеновое дерево, головы покрыты спутанными гривами жестких рыжих волос, а толстые губы и уши были раздуты и казались отвратительными из-за вставленных в них больших деревянных дисков. Но еще более ужасающим, чем эти чудовищные, отталкивающие существа, было другое зрелище, которое привлекло внимание троих мужчин. На толстом колу, как дичь, было насажено и поджаривалось на огне освежаванное и выпотрошенное человеческое тело! Затем их взгляд упал на другой предмет, лежащий на траве, и они мгновенно поняли, чей труп готовили для каннибальского пиршества. В небо злобно смотрела отрубленная голова ауримеонского знахаря! В следующее мгновение чары рассеялись. Джозеф, увидев жуткую голову и пронзенное тело, издал вопль ужаса, вскочил и, как безумный, бросился прочь.

Его крику вторил дикий, демонический вопль каннибалов. Двое белых мужчин, поняв, что их обнаружили, бросились вдогонку за убегающим индейцем так, как никогда раньше не бежали. Их единственная надежда заключалась в том, чтобы добраться до каноэ и уплыть по реке до того, как преследователи настигнут их, но ужас придавал им еще большую скорость. Все ближе и ближе раздавались ужасные крики каннибалов. Каноэ было уже в поле зрения, и Бельмонт заметил, как Джозеф пытается подтолкнуть лодку к кромке воды. Гонка еще могла быть выиграна, а потом... немного застрявший в песке обломок дерева зацепил Торнтон за ногу, он споткнулся и полетел вниз головой на пляж. Бельмонт знал, что прежде чем его товарищ сможет подняться на ноги, преследователи настигнут его. Мгновенно сообразив, что к чему, он остановился, развернулся, опустился на одно колено и выстрелил из обоих стволов своего ружья в приближающихся дикарей. При этом выстреле один из гигантских каннибалов завертелся волчком и, корчась, упал на песок. Остальные мгновенно остановились, и когда раненый монстр завизжал от боли и схватился за кровоточащую грудь, один из его товарищей взмахнул тяжелой дубинкой и нанес ему удар. Удар пришелся по голове раненого дикаря, в то время как третий вонзил копьё с каменным наконечником ему в горло. Эта хладнокровная расправа задержала каннибалов всего на несколько минут, но спасла беглецов. Торнтон успел подняться на ноги, и вместе он и Бельмонт бросились к лодке, прыгнули в нее и толкая от пляжа. К тому времени, когда сбитые с толку каннибалы добрались до берега, деревянная обшивка с ее обитателями была уже далеко за пределами их досягаемости и неслась вниз по течению.

- Мы были на волосок от смерти! - Выдохнул Бельмонт. - Неудивительно, что Джозеф посчитал их дьяволами.

- Если бы не ты, с нами было бы покончено, - заявил Торнтон. - Дай бог, чтобы у них не было лодок дальше по течению.

- Вы видели, кого они убили? - Спросил инженер.

Исследователь кивнул.

- Да, и мы никогда не узнаем, как именно Павиана постигла такая участь. Должно быть, на этот раз его чары не сработали. Бедный негодяй! Он был недалеко от истины, когда сказал, что это место кишит дьяволами.

- Я не сомневался в рассказах индейцев, как бы абсурдно это ни звучало, - объявил Бельмонт. Затем, с новой ноткой ужаса в голосе, он закричал, - Боже мой! Нам конец! Смотри, их стало больше!

Лодка свернула за поворот, и сразу за ним через реку, словно естественная плотина, протянулась каменная дамба. Между уступами вода пенилась и кипела, но в одном месте, на полпути между берегами, было открытое пространство, где поток плавно, но с ужасающей скоростью лился между барьерами. На дамбе, прыгая с камня на камень и вопя, как демоны, было множество чудовищных черных каннибалов. Остановить каноэ, уже захваченное течением, было невозможно, а вытащить его на берег означало бы немедленную поимку и смерть. Не было другого выхода, кроме как плыть дальше, и у Бельмонта кровь застыла в жилах при мысли о том, что он пройдет всего в нескольких ярдах, а может, и футах от кровожадных дикарей. Попасть к ним в руки было бы хуже, чем погибнуть в стремнине, которая, по его мнению, казалась неизбежной. Джозеф уже направил каноэ к узкому проходу между скалами, и в следующее мгновение, они рванулись вперед с головокружительной скоростью. Если бы Арекуна потерял голову, если бы у него задрожали руки или сдали нервы, катастрофа для всех была бы неизбежна. Но Джозеф не был трусом. Впервые увидев каннибалов, он пришел в ужас, ибо принял их за сверхъестественных существ, за дьяволов из индейских суеверий. Но как только он понял, что они смертны, и увидел, что их можно убить, как и любого другого человека, он стал бояться их не больше, чем любого другого врага, будь то раненый ягуар или ядовитая змея.

С непревзойденным мастерством прирожденного речника, совершенного мастера своего хрупкого ремесла, не глядя по сторонам, он вел каноэ через неведомые пороги, сосредоточившись на камнях и водоворотах и забыв обо всем остальном. Когда каноэ миновало первые скалы, ближайший дикарь был уже в дюжине ярдов от него, и с яростным воплем поднял свою дубинку и замахнулся ею, словно собираясь швырнуть в проплывающую мимо лодку. Но метательный снаряд так и остался у него в руке. Рискнув опрокинуться из-за своих действий, Бельмонт выстрелил в парня, когда каноэ пронеслось мимо, каннибал, выронив дубинку и копье, с криком упал в бурлящую воду. При вспышке выстрела и грохоте выстрела остальных, казалось, охватила паника, и, развернувшись, они как безумные бросились к берегу. В следующее мгновение каноэ миновало стремнину и понеслось по спокойным водам ниже дамбы. Но опасности для троих еще не миновали. Каннибалы в ужасе бежали к берегу, услышав выстрел из ружья Бельмонта и узнав о смерти своего товарища, к ним вернулась часть их звериного мужества, и они побежали вниз по течению вдоль берега.

- Они снова гонятся за нами! - воскликнул инженер.

- Они, кажется, чертовски уверены, что догонят нас, - заявил Торнтон. Впереди могут быть водопады или пороги, которые мы не сможем преодолеть, или где-то впереди у них могут быть лодки.

Не успел он договорить, как раздался крик и Джозеф обратил внимание двух мужчин на реку впереди. Они обогнули изгиб, и перед ними отвесная скала возвышалась над рекой более чем на сто футов. Прямо к утесу текла вода, чтобы исчезнуть в черной расщелине гранита, которая тянулась от основания до вершины обрыва, каньон с нависающим потолком, стены, которые почти сходились, образуя естественный туннель.

- Это «дыра в земле»! - воскликнул Торнтон.

- Вот на что рассчитывают эти черные дьяволы, - заявил Бельмонт. - Смотрите, они собираются там, где река сужается. Мы должны приземлиться там, где они не смогут нас достать, иначе мы провалимся в эту чертову дыру!

- Даже если мы доберемся до туннеля, они нас достанут, - крикнул исследователь. - Они карабкаются по скалам над входом.

Однако у пассажиров каноэ не было выбора. Даже если бы они решили вытащить свое судно на берег и попытаться счастья в борьбе с каннибалами, они были бы бессильны это сделать.

Словно невидимая рука подхватила деревянную лодку, и непреодолимое течение понесло ее вперед, к зияющему отверстию в скале, и она помчалась прямо, как стрела, к туннелю. В одно мгновение показалось, что, трое мужчин были рядом с первым из каннибалов. Каждую секунду они ожидали, что на них обрушится град камней и несчастий и разрушит их хрупкое средство передвижения. И тут произошло нечто странное, удивительное и необъяснимое.

Чернокожие дикари в едином порыве побросали свое грубое оружие, их дикие торжествующие крики сменились жалобным воем, и они распростерлись на земле, как будто пассажиры каноэ были божествами, которым они оказывали почтение.

- Дьявольски впечатляющее прощание! - Завопил Торнтон, я слышу заупокойные вопли каннибалов сквозь рев воды.

- Для меня это звучит как похороны, наши похороны. Держись крепче, Фрэнк. Положись на Провидение и прощай, старина, если мы никогда отсюда не выберемся.

Бельмонт повернулся, крича во всю глотку.

- Похоже, эти дьяволы знали, что с нами все кончено, Нед. Прощай, старый друг.

Его слова потонули в оглушительном реве, когда каноэ влетело в черную дыру и погрузилось в полумрак, в то время как стремительные волны отражались от скалистых стен с грохотом, похожим на раскаты грома.

- Пригните головы! - закричал Торнтон, и его голос в этой суматохе прозвучал тихо, как шепот. Его предупреждение подоспело как раз вовремя, когда они пригнулись, Бельмонт почувствовал, что его спина оцарапана выступающими камнями, и распластался на дне поленицы. Они так и не узнали, как долго они мчались вперед по крошечной тьме этой ужасной дыры, но им, лежащим в хрупком суденышке, которое несло по воле взбесившихся вод, качало, подбрасывало, крутило волчком, они натыкались на скалы, боялись, что в любой момент могут упасть в водопад или что каноэ разобьется вдребезги, и им казалось, что они провели вместе несколько часов. в недрах горы.

Никто не смел и надеяться, что они когда-нибудь выберутся живыми. Казалось совершенно невероятным, что крошечный корабль с деревянной обшивкой может выжить, и все уже считали себя погибшими, когда с носа корабля раздался радостный крик Торнтона.

- Впереди солнечный свет!

Бельмонт поднял голову и огляделся. Вдалеке в темноте виднелась крошечная точка яркого света. Оно быстро увеличивалось в размерах, течение стало слабее, и Джозеф взялся за весло, чтобы направить каноэ по прямому курсу. В свете они увидели танцующую и искрящуюся на солнце поверхность реки, и еще через мгновение их вынесло из темноты на дневной свет, в чистый, сладкий, благословенный воздух, а над головой раскинулось голубое небо, озаренное золотым сиянием солнца. Они в изумлении озирались по сторонам. Позади них возвышались высокие скалы с зияющей расселиной, а впереди простиралась плавно текущая река. Но где же густые леса, непроходимые джунгли, широкие саванны? Со всех сторон вздымались пропасти и утесы из красного и желтого камня, их слои были истерты и вырезаны стихиями в фантастических формах.

Со всех сторон были огромные шпильеобразные башни, рифленые и богато украшенные колонны, зубчатые стены и огромные гроты. На концах стройных колонн балансировали огромные каменные глыбы. Камни стояли на краях отвесных скал, готовые вот-вот с грохотом обрушиться вниз, а тонкие каменные арки перекидывались через глубокие расщелины, через которые низвергались сверкающие потоки.

Прямо со стороны реки поднимались странные скальные формы, иногда они отступали терраса за террасой и снова нависали, оставляя лишь полоску неба между нависшими краями. Не было видно ни одного дерева. То тут, то там в расщелинах между скалами виднелись агавы с острыми мясистыми листьями. Многочисленные скалы были покрыты выющимися кактусами,

а там, где по камням стекала вода, в изобилии росли огромные диковинные орхидеи с яркими цветами.

- Боже мой, какое изумительное зрелище! - Воскликнул инженер. - Это даже лучше, чем «Гранд Каньон».

- Сад богов, - заявил Торнтон. - Господи, но это же чудесное открытие!

Как бы они ни были очарованы чудесами всего увиденного, у них было мало времени на праздное восхищение. Солнце клонилось к вершинам скал, ущелья заполнялись тенями, и было необходимо поторопиться и найти какое-нибудь место, где можно было бы провести быстро приближающуюся ночь.

Вскоре они нашли крошечную полоску песка между выступающими скалами и, вытащив каное на берег, поспешили собрать щепки древесины и развести костер. К счастью, их добыча уцелела в каное, когда они, и когда они съели свой долгожданный обед, двое американцев обсуждали свои приключения и свое чудесное спасение.

- Как ты думаешь, почему эти скоты устроили нам такие похороны? - Спросил Бельмонт. - Как только мы оказались в пределах их досягаемости, они перестали обращать на нас внимание и, казалось, были переполнены эмоциями из-за того, что мы их покидаем.

- Я не знаю, но могу предположить, - ответил Торнтон. - Они, вероятно, считают туннель входом в другой мир. Возможно, это обитель духов. Очевидно, у них нет лодок, и, конечно, они никогда раньше не видели белого человека и не слышали оружейного выстрела. Такие вещи, должно быть, казались им почти сверхъестественными, и когда они увидели, что мы направляемся прямо к дыре, они были убеждены, что мы сверхъестественные существа, и поэтому пали ниц, чтобы поклониться нам или, возможно, попросить у нас прощения за то, что напали на нас.

- Да, это, должно быть, все объясняет, - согласился инженер. - Но почему, черт возьми, они не догадались об этом раньше? Говорю вам, я был напуган и не прочь это признать. Но, полагаю, здесь мы в достаточной безопасности.

- Несомненно, в том, что касается каннибалов, да, - заверил его друг. - И больше мы можем не бояться Кейнамы, это точно. Я полагаю, старый знахарь исполнял роль Кейнаимы и поджидал нас. Но, конечно, впереди могут быть пороги или водопады.

- Я надеюсь, что выход из этого места будет не через очередную черную дыру, - сказал Бельмонт. - Интересно, знал ли старина Билликинс об этом месте.

- Если и знал, то держу пари, что он никогда не посещал его тем путем, который выбрали мы, - ответил Торнтон. - Сомневаюсь, что здесь когда-либо ступала нога человека. Это совершенно не похоже ни на что другое в Гвиане. И эти каннибалы так же не похожи ни на одну другую расу в Южной Америке. Я думал о них с тех пор, как мы впервые их увидели.

- Ты же не думаешь, что мы единственные, кто встречал их? - Воскликнул инженер.

- Ты не понимаешь, - объяснил исследователь. - Меня беспокоит то, кто они такие. Они не похожи на индейцев, слишком черные, и у них другие черты лица.

- Не говоря уже об их волосах, - добавил собеседник. - Кто когда-нибудь слышал о рыжеволосых индейцах?

- Это не имеет значения, - заявил Торнтон. - Они могут красить или обесцвечивать волосы, я заметил, что некоторые из них были черноволосыми. Я хотел бы знать, откуда они взялись изначально.

- Пусть меня повесят, если меня это волнует, - сказал Бельмонт. - Но если ты спросишь меня, я скажу, что они пришли прямиком из Ада. Но, честно говоря, разве они не могли быть потомками или беглыми рабами, как негры из буша в Суринаме?.

Джозеф, который внимательно слушал и пытался уловить смысл разговора, внезапно заговорил.

- Этот парень был раскрашен в черный цвет, - объявил он. - У него не такая уж черная кожа.

- Что ты имеешь ввиду? - Спросил Торнтон. - Как ты, Сабби?

Индеец ухмыльнулся.

- Это я, Сабби, - заявил он. - Я видел, как он валяется мертвым в реке. Краска смывается, когда набирается вода.

- Будь я проклят! - Воскликнул Торнтон. - А я-то думал, что они настоящие негроиды. Что ж, это показывает, насколько наблюдательны индейцы. Но если они индейцы - это неизвестная раса. Здесь есть чудесное поле для изучения и исследований.

- Ты можешь исследовать их сколько угодно, - заметил Бельмонт. - Но если ты последуешь моему совету, то наденешь броню и возьмешь с собой пулемет, когда вернешься, чтобы изучить своих друзей-каннибалов. Если эти звери действительно стопроцентные американцы, стране нечем гордиться.

Торнтон от души рассмеялся серьезному тону Белмонта.

- Вы только подумайте, какие возможности открываются перед цивилизацией. Можешь ли ты представить себе, как устремятся десятки миссионеров к этим погруженным во мрак язычникам, как только станет известно об их существовании? И подумай об их ценности для науки!

- Я легко могу представить, как миссионеры бросаются в объятия язычников, - мрачно заявил инженер. - И я готов поспорить, что они никогда не будут так полезны науке, как ученые для них, если они попытаются изучать этих нищих. Нет, я не вижу особой славы или ценности в том, чтобы быть съеденным.

- Возможно, ты прав, - усмехнулся Торнтон, - Признаюсь, я не оценил их этнологических особенностей, когда они гнались за нами по пляжу. На этот раз, Фрэнк, я готов признать, что даже научный интерес имеет свои пределы. Слава Богу, кем бы они ни были, они находятся по другую сторону горы. А теперь давайте хорошенько выпьемся.

Вершины пиков сияли золотым светом, когда на следующее утро все трое в каньоне открыли глаза. Но солнце еще не поднялось над окружающими скалами, когда завтрак закончился, каное спустили на воду и путешествие вниз по течению возобновилось. Течения практически не было, и час за часом они плыли по течению, легко гребя и прислушиваясь к звукам возможных порогов впереди. Они путешествовали по стране чудес, где река извивалась и делала повороты, протекая причудливым образом и часто разделяя течение с обеих сторон высокими, изъеденными водой каменными колоннами. Затем она расширилась, превратившись в озероподобное пространство, усеянное многочисленными колоннами, возвышающимися над поверхностью, как руины затопленного города. Закат все еще застал их в обширном каньоне, окруженном огромными скалами. Но горы были не такими крутыми, а растительность покрывали ложбины и берега впадающих речушек зеленью. Они снова разбили лагерь на берегу реки, доедая остатки копченой дичи, которую Джозеф застрелил у ручья. К рассвету они снова были на ногах, и примерно через час после высадки, до их ушей донесся рев падающей воды, и они увидели, что река резко обрывается, четко вырисовываясь на фоне неба.

- Водопад! - Крикнул Торнтон.

Каное немедленно причалило к берегу, и трое пассажиров, сойдя на берег, направились вдоль берега, чтобы осмотреть спуск воды, преградивший им путь. Кустарник здесь был густой, многочисленные большие деревья возвышались над низкорослыми пальмами и кустарниками, а земля была неровной и изломанной. Они упорно продвигались вперед, прокладывая узкую тропинку и ориентируясь по реву водопада, который был совсем рядом.

Наконец, преодолев последнюю преграду, они вышли на узкую каменную площадку, и с их губ сорвались возгласы изумления. Почти у ног водопад низвергался на целых двести футов, что само по себе было великолепным зрелищем. Но они не обратили на это особого

внимания, потому что их взоры были прикованы к чудесному зрелищу, раскинувшемуся перед ними. Окруженная невысокими, поросшими лесом холмами, раскинулась широкая зеленая долина, а в центре ее, словно чаша из чистого серебра, поблескивало круглое озеро диаметром в милю или больше.

Сходство с гигантской чашей еще больше усиливалось из-за голого белого гребня, который полностью окружал мерцающую водную гладь и четко выделялся на фоне окружающей зелени. Через равнину от водопада река впадала в озеро, а с противоположной стороны текла дальше и исчезала двумя блестящими лентами в дальнем лесу. Но прекрасная долина, спокойное озеро в покое, похожие на кратер впадине и река были лишь дополнением, прекрасным обрамлением того, что заворовало внимание мужчин на утесе. Недалеко от берега озера, раскинувшись огромным веером по равнине, тянулись широкие улицы и бесчисленные здания огромного города.

Лучи восходящего солнца, пробивающиеся сквозь расщелину в холмах над водопадом, ярко освещали город у озера, и массивные здания сверкали на свету, как полированное золото.

- Маноа! Город Эльдорадо! - благоговейно воскликнул Бельмонт.

- Но в руинах, - сказал Торнтон. - В этом нет никаких сомнений. Все трое смотрели на удивительный, предположительно мифический город, который заманил Рэли и привел столько людей к гибели, затерянный город Маноа, королевство Эль Дорадо.

Там не было никаких признаков жизни, на безмолвных улицах не было ни одной движущейся фигуры, и даже с того места, где стояли Торнтон и Бельмонт, они могли видеть, что многие из некогда великолепных зданий превратились в бесформенные груды осыпавшейся каменной кладки.

- Разбудите меня! - Закричал инженер. - Я, должно быть, сплю.

- Тогда мы все спим, - заявил исследователь. "Посмотри на Джозефа!

Индеец лежал ниц, прижавшись лбом к земле, словно преклоняясь перед долиной и разрушенным городом.

- Он поклоняется богам своих предков, - сказал Торнтон, понизив голос. - Но у него не больше представлений о том, что он делает и почему он это делает, чем у нас. Это случай бессознательного возврата к давно забытой вере.

Вскоре индеец поднялся, и на его лице появилось несколько озадаченное выражение, которое, по словам Бельмонта, выглядело так, словно он только что очнулся ото сна.

- Нам придется спуститься вниз и построить еще одно каноэ на реке ниже водопада, - заявил исследователь. - Пойдем, мне не терпится поближе рассмотреть этот город.

- Знаешь, - воскликнул инженер, когда все трое начали спускаться по склону горы, - теперь я понимаю эту старую историю о «Золотом городе». На солнце он кажется золотым. Если бы в старом Эльдорадо было не больше золота, чем в его городе, он бы и гроша ломаного не стоил.

Спуск со скалы был трудным и опасным занятием. Скала была немногим больше туфа, мягкого и крошащегося, и на каждом шагу попадались куски этого материала, которые были выбиты из колеи и с грохотом упали на растительность далеко внизу. Босым ногам индейца не составило труда удержаться на крутом склоне, но подошвы ботинок белых мужчин все время соскальзывали, и дюжину раз оба они были на волосок от того, чтобы разбиться насмерть.

Однако в конце концов спуск завершился благополучно, и все трое, тяжело дыша, остановились на равнине и огляделись по сторонам. Когда они взглянули на долину сверху, она показалась им ровной, как пол, покрытой короткой мягкой травой. Но теперь они обнаружили, что это была далеко не равнина, а заросшая длинной жесткой травой и густыми колючими сорняками площадь, и ее образовывали запутанные джунгли, сквозь которые было практически невозможно пробраться. Однако берега вдоль ручья были довольно открытыми, и по ним можно было проложить тропинку, идущую вдоль извилистого ручья, и они поспешили к дале-

кому городу. Это было дальше, чем они ожидали, и, наконец, они увидели перед собой белую кромку озера с глубокой расщелиной, через которую текла река. Здесь, у ручья, не было места для прогулок, и, свернув в сторону, они начали взбираться на берег. Издали казалось, что гребень состоит из белого песка и гальки, но теперь они обнаружили, что это нагромождение битого камня, огромных валунов, гальки и гравия, сверкающий отраженным солнечным теплом и крутой, как крыша дома.

Задышавшись и обливаясь потом, они ползли по камням, поскользываясь на рыхлых прогалинах и увязая по щиколотку в песке. Внезапно Торнтон остановился, наклонился и поднял предмет темного цвета.

- Вот решение некоторых головоломок, - заявил он, протягивая предмет инженеру. - Метеорит. Такой же, как огненный камень Павиана. Это объясняет озеро, эту груду обломков и многое другое.

- Ей-богу, ты прав! - Воскликнул Бельмонт. - Но тебе придется пояснить, что это за ключ к разгадке. Я не понимаю, какое отношение этот кусочек небесного тела имеет к озеру или к этому хребту.

- Ты когда-нибудь слышал о метеорите или о кратере или о горе Дьявола в далекой-далекой Аризоне.

- Конечно, - ответил Бельмонт. Затем его внезапно осенило, и он воскликнул:

- Великий Скотт, ну конечно! Ты хочешь сказать, что это озеро находится в кратере, образованном гигантским метеоритом?

- В этом нет сомнений, - заявил его друг. - Этот горный хребет идентичен краю Аризонского кратера: тот же измельченный кварц, измельченный гравий и все такое. Единственное отличие в том, что этот полон воды.

- Чертовски интересно, - прокомментировал Бельмонт, оглядываясь по сторонам. В следующую секунду он вскрикнул и прыгнул наклонившись, поднял тускло-желтый камешек. - Золото! Боже мой! Будь я проклят, если мы не наткнулись на золотую жилу старика Билликина!

Торнтон усмехнулся:

- Помнишь, что сказал Рейли: «Золотые глазки - это величие эггеса на берегах озера». Возможно, он все-таки не преувеличивал.

Бельмонт едва расслышал слова собеседника. Стоя на четвереньках, он лихорадочно разгребал песок и гальку, издавая удивленные и восторженные возгласы, когда обнаруживался самородок за самородком.

- Интересно, не этот ли благословенный метеорит принес сюда золото? - Спросил он, остановившись ненадолго, чтобы вытереть пыль и слезы радости с лица.

- Вряд ли, - ответил Торнтон, - но легко понять, что причиной его появления был метеорит. Несомненно, там была богатая жила, и сила его удара расколола породу и превратила ее в пыль, в результате чего появилось золото. Пойдем, Фрэнк. Это золото было здесь веками, и оно не исчезнет. Здесь жарче, чем в Аду, я хочу посмотреть на город.

- Черт бы побрал этот город! - Вырвалось у инженера. Но осознав правоту слов своего друга, он неохотно поднялся и продолжил свой путь к вершине хребта.

Они были уже в полумиле от огромных руин и, преисполненные любопытства, поспешили к ближайшим зданиям, а позади, чувствуя себя неловко, с испуганными глазами, шел индеец.

- Мне это не нравится, - сказал он, когда они приблизились к руинам. - Здесь слишком много магии.

- Не пугайся, - отреагировал Торнтон. - Что именно тебе не нравится? Дом мертв. Тот парень, что жил в этом месте, тоже давно умер.

- Я говорю, что в том месте есть магия, - повторил Арекуна. - Давно здесь никого не было. Все парни Бакманы (индейцы) давно ушли из этого места.

- Ха! - Воскликнул исследователь. - Значит, все индейцы знают об этом месте?. Почему ты никому не сказал, что это место принадлежит вам?

Джозеф опустил глаза, зарылся пальцами ног в песок и заколебался.

- Я не знал, в какой стороне это место, - сказал он наконец. - Бакманы нашли его. Сабби больше нет.

- Хм, возможно, это правда, - пробормотал Торнтон. - Может быть, индейцы просто знают ту же старую историю о Маноа, но не знают его местонахождения?

- Бьюсь об заклад, старина Билликинс все равно это сделал, - рассмеялся Бельмонт и шагнул вперед. - И я готов поспорить, что именно его дурная репутация удерживала этих черных дьяволов от того, чтобы спуститься сюда.

Они были уже совсем близко от зданий и обнаружили, что город еще более заброшен и разрушен, чем они думали. Улицы, которые издали казались широкими и прямыми, были неровными, с ямами и пропастями, а местами были завалены обломками. Здания, которые издали казались впечатляющими, покосились, их стены потрескались и осыпались, крыши провалились, а резные карнизы и богато украшенные колонны лежали разбитыми на тротуарах.

- Похоже на один из тех обстреливаемых городов во Франции, - прокомментировал инженер. - Посмотри на это, Нед. Посмотри на те дома на другой стороне улицы. Они наполовину погребены под горным хребтом, я видел здания, наполовину прикрытые воронкой от снаряда именно таким образом.

- Боже, да! - Воскликнул его друг. - Я верю, что время все стирает с лица земли. Мне было интересно, что разрушило это место, но теперь я понимаю. Город подвергся артиллерийскому обстрелу. Он подвергся бомбардировке более разрушительным снарядом, чем все, что было выпущено из современных орудий. Город был разрушен тем же гигантским метеоритом или концентрированным потоком метеоритов, который обрушился на этот хребет.

- Расскажите об этом морским пехотинцам! - Усмехнулся инженер. - Может быть, эти дома и были слегка покорежены, но ни один метеорит не смог бы стереть с лица земли город такого размера. И некоторые здания находятся в миле от горного хребта.

Торнтон сухо рассмеялся.

- Вы можете себе представить, каким был шок, который, должно быть, возник при падении такого метеорита? У этого удара было достаточно силы, чтобы вырыть яму диаметром в милю и Бог знает какой глубины в твердой породе и поднять гребень из измельченного гранита и кварца высотой почти в сто футов. Просто остановитесь, чтобы вспомнить сотрясения и удары, производимые этими большими снарядами во время войны, ракетами диаметром всего в несколько дюймов, а затем попытайтесь представить раскаленную добела массу металла весом в сотни тысяч тонн и, возможно, в тысячу футов в диаметре, ударяющуюся с еще большей силой чем любая другая. Если такой метеорит упадет на землю где-нибудь поблизости Нью-Йорка, это уничтожило бы все признаки жизни в радиусе нескольких сотен миль! Подумай о газах и тепле, которые он, должно быть, выделял. Я поражен, что от города остались хоть какие-то следы. Несомненно, большая его часть была измельчена в порошок и образует часть горного хребта.

- Ей-богу, я думаю, что в этом ты прав, - признал Бельмонт. - Точно так же, как в рассказе Рэли Маноа, который был на берегу озера, в его времена, должно быть, все было так же ясно. И что же в таком случае стало со старым Эль Дорадо и его родней?

- Вероятно, здесь всегда было озеро, - предположил Торнтон. - И я готов поспорить, что город был разрушен за много веков до того, как в нем появились первые европейцы. История Эльдорадо, вероятно, передавалась из поколения в поколение еще до того, как это место было стерто с лица земли.

- Не знаю, так ли это на самом деле, - заявил инженер, - но при условии, что я смогу извлечь немного золота из старого доброго Эльдорадо. Пойдем, Нед, прогуляемся по Главной улице.

- Забавно, что это место не заросло джунглями, - заметил Бельмонт, когда они дошли до ближайшего тротуара. - Это выглядит так, как будто здесь поработала бригада дворников - на улицах почти нет травы, и только несколько небольших деревьев растут среди руин.

- Да, для меня это тоже загадка, - признался исследователь. - Вероятно, что-то с почвой - по той же причине и хребет все еще «голый».

Несмотря на легкомысленный тон Бельмонта, он признался, что испытывал благоговейный трепет и впечатление, стоя в этом мертвом городе об ушедшем прошлом, и пока они прогуливались, исследователь постоянно отпускал восторженные комментарии по поводу обнаруженных археологических сокровищ и чудес.

- Фрэнк! - Воскликнул он. - Я бы десятки раз повторил все, что мы пережили, ради этого. Это величайшее открытие, когда-либо сделанное в Америке. Я начинаю верить, что это самый древний город Нового Света. Никто никогда раньше не видел подобной резьбы по дереву и архитектуры.

- Интересно, какими были эти люди, - сказал Бельмонт. - Я признаю, что они были чертовски хорошими архитекторами. Те здания впереди в порядке, и, похоже, они не в плохом состоянии.

По мере того, как они удалялись все дальше и дальше от озера, здания казались все более и более нетронутыми, а также более качественными, с более витиеватой и красивой резьбой по камню.

- Посмотри на это здание! - Воскликнул исследователь, схватив друга за руку. - Стены здесь наклонены вперед, как у некоторых построек майя, но все остальные детали совершенно другие.

- Ей-богу, они тоже использовали известковый раствор, - сказал инженер, осматривавший стены. - И я бы хотел знать, какими инструментами они пользовались. Этот камень - диорит, и он тверже сердца фараона. Давайте зайдем внутрь. Дверь широко открыта.

Они вдвоем вошли в широкий портал, обрамленный колоннами со странной резьбой по бокам, а Джозеф последовал за ними по пятам, выглядя, по выражению Бельмонта, «как собака, поджавшая хвост».

- Забавно, что крыша обвалилась, а на полу нет никаких следов, - прокомментировал Бельмонт, когда они с любопытством огляделись по сторонам.

Торнтон посмотрел на вершины высоких стен.

- Если у него когда-либо и была крыша, то она была соломенной или просто навесом, - подметил он. - Края стен гладкие - не осыпались и не сломаны, за исключением одного места. Именно там провалился камень. Видишь, он лежит вон там?

Он указал на валун неправильной формы в углу огромной комнаты.

- Вероятно, метеорит срикошетил вот сюда, - заметил другой, подходя к нему поближе. - Нед, это же сам метеорит!

- Теперь, возможно, ты понимаешь силу его удара, - сказал Торнтон. - Это небольшой фрагмент, но он весит более дюжины тонн и ушел на глубину трех футов в твердый каменный пол.

- Не завидую я тем, кто был здесь, когда появился этот «камешек», - прокомментировал Бельмонт.

Из комнаты, где стояли трое мужчин, открылось несколько дверей, и двое белых мужчин вошли один за другим. Бельмонт искал возможные сокровища, в то время как Торнтон был поглощен археологическими исследованиями. Но все комнаты казались пустыми, если не считать куч пыли и осколков богато украшенной керамики, лежащих на полу в трещинах.

- Как ты думаешь, из-за чего образовались эти кучи пыли? - Спросил инженер, ковыряя один из них носком ботинка. — Они выглядят так, словно какая-то горничная сложила их в стопки, готовые к вывозу.

- Я думаю, это все, что осталось от деревянной мебели, - ответил исследователь. - Эти кувшины когда-то стояли на столах или скамьях, а когда дерево сгнило, они упали и рассыпались пеплом.

- Жаль, что они не оставили пару стульев или хорошую кровать, - усмехнулся Бельмонт. - Они были негостеприимной компанией и не думали, что к ним заглянет какой-нибудь незнакомец.

Пока он говорил, они проходили мимо низкого темного проема в стене. В следующее мгновение инженер с резким восклицанием отскочил назад, Джозеф испуганно вскрикнул, и даже Торнтон вздрогнул. Из темных глубин камеры донесся короткий, полузадушенный кашель!

Примечание редактора: «Термин «Эльдорадо», в переводе с испанского означающий «позолоченный», применяется к королю или верховному жрецу, который, как предполагалось, иногда появлялся перед своим народом в одеждах, посыпанных золотой пылью. Это мифическое существо часто упоминается в этой истории. Затем название было применено к городу, а затем и к стране, которой, как предполагалось, принадлежало это позолоченное существо и которой оно правило. Сэр Уолтер Рэли во времена королевы Елизаветы был одним из самых знаменитых искателей предполагаемого сокровища».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.